Теории и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Анатолий Арсеньев

ЧТО ТАКОЕ ЛИЧНОСТЬ
ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация. *Рассматривается проблема необходимости личностного самоопределения человека в современной ситуации всеобщего глобального кризиса, ставящего под угрозу само существование жизни на Земле. Показано, что только через становление личностью человек может получить возможность «вернуться к себе» – ощутить свою парадоксальную бесконечно-конечную человеческую сущность.*

Ключевые слова: *личность; парадоксальная бесконечно-конечная природа человека; антропогенез; «постнеолитическая» философия; рефлексия-трансцендирование; Актуальная Бесконечность; Потенциальная Бесконечность; отношение «Человек – Мир»; отношение «Я – Ты».*

Abstract. *The problem of necessity of man's personal self-determination under global crisis that threatening the existence of life at the Earth is examined. It is shown that only through becoming a person man can obtain the possibility to "return to himself" – that is to feel his paradoxical infinite – finite human nature.*

Keywords: *personality; paradoxical infinite–finite human nature; anthropogenesis; "postneolithic" philosophy; reflection – transcendence; Actual Infinity; Potential Infinity; "Man – World" relationship; "Me – You" relationship .*

1. О философии

Авторское понимание того, что такое философия

Я считаю необходимым начать хотя бы с краткого пояснения, что я считаю философией. Философия, в моем понимании, есть глубоко личностное понимание-переживание мира как целого, включая личность как центр этого переживания и размышления о себе (рефлексия) и мире (трансцендирование). Поскольку личность уникальна, неповторима, то, строго говоря, различных «философий» столько, сколько личностей. Вместе с тем философия в мире существует тысячи лет, и для каждого нового поколения уже существующая философия является «базой», критическое рассмотрение которой может служить основанием и отправной точкой своего личного философского размышления.

Н.А. Бердяев о философии

Мне кажется, эту ситуацию прекрасно выразил Н. А. Бердяев: «Философия человечна, философское познание – человеческое познание, в ней всегда есть элемент человеческой свободы, она есть не откровение, а свободная познавательная реакция человека на откровение. Если философ христианин и верит в Христа, то он совсем не должен согласовывать свою философию с теологией и православной, католической или протестантской, но он может приобрести ум Христов и это сделает его философию иной, чем философия человека, ума Христова не имеющего. Откровение не может навязать философии никаких теорий и идеологических построений, но может дать факты, опыт, обогащающий познание.

Философия и свобода

Если философия возможна, то она может быть только свободной, она не терпит принуждения. Она в каждом акте познания свободно стоит перед истиной и не терпит преград и средостений. Философия приходит к результатам познания из самого познавательного процесса, она не терпит навязывания извне результатов познания, которое терпит теология. Но это не значит, что философия автономна в том смысле, что она есть замкнутая, самодовлеющая, питающаяся из себя самой сфера. Идея автономии есть ложная идея, совсем не тождественная с идеей свободы. Философия есть часть жизни и опыт жизни, опыт жизни духа лежит в основании философского познания. Философское познание должно приобщиться к первоисточнику жизни и из него черпать познавательный опыт. Познание есть посвящение в тайну бытия, в мистерии жизни. Оно есть свет, но свет, блеснувший из бытия и в бытии. Познание не может из себя, из понятия создать бытие, как того хотел

Гегель. Религиозное откровение означает, что бытие открывает себя познающему. Как же он может быть к этому слеп и глух и утверждать автономию философского познания против того, что ему открывается?

Философия и наука

Трагедия философского познания в том, что, освободившись от сферы бытия более высокой, от религии, от откровения, оно попадает в еще более тяжкую зависимость от сферы низшей, от положительной науки, от научного опыта. Философия теряет свое первородство и не имеет уже оправдательных документов о своем древнем происхождении. Миг автономии философии оказался очень кратким. Научная философия совсем не есть автономная философия. Сама наука была некогда порождена философией и выделилась из нее. Но дитя восстало против своей родительницы. Никто не отрицает, что философия должна считаться с развитием наук, должна учитывать результаты наук. Но из этого не следует, что она должна подчиняться наукам в своих высших созерцаниях и уподобляться им, соблазняться их шумными внешними успехами: философия есть знание, но невозможно допустить, что она есть знание, во всем подобное науке. Ведь проблема в том и заключается, есть ли философия – философия или она есть наука или религия.

Философия как особая сфера духовной культуры

Философия есть особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией. Принципы философии не зависят от результатов и успехов наук. Философ в своем познании не может ждать, пока науки сделают свои открытия. Наука находится в непрерывном движении, ее гипотезы и теории часто меняются и стареют, она делает всё новые и новые открытия. В физике за последние тридцать лет произошла революция, радикально изменившая ее основы. Но можно ли сказать, что учение Платона об идеях устарело от успехов естественных наук XIX и XX веков? Оно гораздо более устойчиво, чем результаты естественных наук XIX и XX веков, более вечно, ибо более о вечном. Натурфилософия Гегеля устарела, да и никогда не была его сильной стороной. Но гегелевская логика и онтология, гегелевская диалектика нисколько не потревожены успехами естественных наук. Смешно было бы сказать, что учение Я. Бёме об Ungrund'е или о Софии опровергается современным математическим естествознанием. Ясно, что здесь мы имеем дело с совершенно разными и несоизмеримыми объектами.

Познание философией мира

Философии мир раскрывается иначе, чем науке, и путь ее познания иной. Науки имеют дело с частичной отвлеченной действительностью, им не открывается мир как целое, ими не постигается смысл мира. Претензии математической физики быть онтологией, открывающей не явления чувственного, эмпирического мира, а как бы вещи в себе, смешны. Именно математическая физика, самая совершенная из наук, дальше всего отстоит от тайн бытия, ибо тайны эти раскрываются только в человеке и через человека, в духовном опыте и духовной жизни. Вопреки Гуссерлю, который делает по-своему грандиозные усилия придать философии характер чистой науки и вытравить из нее элементы мудрости, философия всегда была и всегда будет мудростью.

Конец мудрости есть конец философии

Конец мудрости есть конец философии. Философия есть любовь к мудрости и раскрытие мудрости в человеке, творческий прорыв к смыслу бытия. Философия не есть религиозная вера, не есть теология, но не есть и наука, она есть она сама. И она принуждена вести мучительную борьбу за свои права, всегда подвергающиеся сомнению. Иногда она ставит себя выше религии, как у Гегеля, и тогда она переступает свои границы. Она родилась в борьбе пробудившейся мысли против традиционных народных верований. Она живет и дышит свободным движением. Но и тогда, когда философская мысль Греции выделилась из народной религии и противопоставила себя ей, она сохранила свою связь с высшей религиозной жизнью Греции, с мистериями, с орфизмом. Мы увидим это у Гераклита, Пифагора, Платона. Значительна только та философия, в основании которой лежит духовный и нравственный опыт и которая не есть игра ума. Интуитивные прозрения даются только философу, который познает целостным духом.

Отличие философского познания от научного

Как понять отношение между философией и наукой, как разграничить их сферы, как установить между ними конкордат? Совершенно недостаточно определить философию как учение о принципах или как наиболее обобщенное знание о мире как о целом, или даже как учение о сущности бытия. Главный признак, отличающий философское познание от научного, нужно видеть в том, что философия познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека. Поэтому для философии бытие есть дух, для науки же бытие есть природа. Это различие духа и природы, конечно, ничего общего не имеет с различением психи-

ческого и физического. Философия в конце концов неизбежно становится философией духа, и только в таком качестве своем она не зависит от науки.

Философская антропология

Философская антропология должна быть основной философской дисциплиной. Философская антропология есть центральная часть философии духа. Она принципиально отличается от научного – биологического, социологического, психологического – изучения человека. И отличие это в том, что философия исследует человека из человека и в человеке, исследует его как принадлежащего к царству духа, наука же исследует человека как принадлежащего к царству природы, то есть вне человека, как объект.

Философия есть необъективированное познание

Философия совсем не должна иметь объекта, ибо ничто для нее не должно становиться объектом, объективированным. Основной признак философии духа то, что в ней нет объекта познания. Познавать из человека и в человеке и значит не объективировать. И тогда лишь открывается смысл. Смысл открывается лишь тогда, когда я в себе, то есть в духе, и когда нет для меня объектности, предметности. Все, что есть для меня предмет, лишено смысла. Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, то есть в духовном мире. Принципиально отличать философию от науки только и можно, признав, что философия есть необъективированное познание, познание духа в себе, а не в его объективации в природе, то есть познание смысла и приобщение к смыслу. Наука и научное предвидение обеспечивают человека и дают ему силу, но они же могут опустошить сознание человека, оторвать его от бытия и бытие от него. Можно было бы сказать, что наука основана на отчуждении человека от бытия и отчуждении бытия от человека. Познающий человек вне бытия, и познаваемое бытие вне человека. Все становится объектом, то есть отчужденным и противостоящим. И мир философских идей перестает быть моим миром, во мне раскрывающимся, делается миром, мне противостоящим и чуждым, миром объектным.

Исследования по истории философии перестают быть философским познанием

Вот почему и исследования по истории философии перестают быть философским познанием, становятся научным познанием. История философии будет философским, а не только научным познанием в том лишь случае, если мир философских идей будет для познающего его собственным внутренним миром, если он будет его познавать из человека и в человеке. Философски я могу познавать лишь свои собственные идеи, делая идеи Платона или Гегеля своими собственными идеями, то

есть познавая из человека, а не из предмета, познавая в духе, а не в объектной природе.

Основной принцип философии

Это и есть основной принцип философии, совсем не субъективной, ибо субъективное противостоит объективному, а бытийственно жизненной. *Если Вы пишите прекрасное исследование о Платоне и Аристотеле, о Фоме Аквинском и Декарте, о Канте и Гегеле, то это может быть очень полезно для философии и философов, но это не будет философия. Не может быть философии о чужих идеях, о мире идей как предмете, как объекте, философия может быть лишь о своих идеях, о духе, о человеке в себе и из себя, то есть интеллектуальным выражением судьбы философа* (выделено мною – *А.А.*).

Историзм, натурализм и психологизм

Историзм, в котором память непомерно перегружена и отяжелена и все превращено в чуждый объект, есть декаданс и гибель философии, так же как натурализм и психологизм. Духовные опустошения, произведенные историзмом, натурализмом и психологизмом, поистине страшны и человекоубийственны. Результатом является абсолютизированный релятивизм. Так подрываются творческие силы познания, пресекается возможность прорыва к смыслу. Это и есть рабство философии у науки, террор науки.

Философия видит мир из человека, и только в этом ее специфичность. Наука же видит мир вне человека, освобождение философии от всякого антропологизма есть умерщвление философии. Натуралистическая метафизика тоже видит мир из человека, но не хочет в этом признаться. И тайный антропологизм всякой онтологии должен быть разоблачен. Неверно сказать, что бытию, понятному объективно, принадлежит примат над человеком; наоборот, человеку принадлежит примат над бытием, ибо бытие раскрывается только в человеке, из человека, через человека. И тогда только раскрывается дух (выделено мною – *А.А.*).

Бытие, которое не есть дух, которое “вовне”, а не “внутри”, есть тирания натурализма. Философия легко делается отвлеченной и теряет связь с источниками жизни. Это бывает всякий раз, когда она хочет познавать не в человеке и не из человека, а вне человека.

Мир есть часть человека

Человек же погружен в жизнь, в первожизнь, и ему даны откровения о мистерии первожизни. Только в этом глубина философии соприкасается с религией, но соприкасается внутренне и свободно. В основании философии лежит предположение, что мир есть часть человека, а не человек – часть мира. У человека как дробной и малой части мира не могла бы зародиться дерзновенная задача

познания. На этом основано и научное познание, но оно методологически отвлечено от этой истины. Познание бытия в человеке и из человека ничего общего не имеет с психологизмом. Психологизм есть, наоборот, замкнутость в природном, объективированном мире. Психологически человек есть дробная часть мира.

Трансцендентальный человек

Речь идет не о психологизме, а о трансцендентальном антропологизме. Странно забывать, что я, познающий, философ – человек. Трансцендентальный человек есть предпосылка философии и преодоление человека в философии или ничего не значит, или значит упразднение самого философского познания. Человек бытийствен, в нем бытие и он в бытии, но и бытие человечно, и потому только в нем я могу раскрыть смысл, соизмеримый со мной, с моим постижением» [1, с. 5–11].

Отношение к построению философских систем

Я привел эту обширную цитату из Н. А. Бердяева по нескольким причинам.

Во-первых, потому, что лучшего введения в изложение начал философии я бы не мог написать. Дальнейшее изложение можно развернуть как пояснение и обсуждение этого введения.

Во-вторых, для того, чтобы обратить внимание читателя на выделенную мною часть, которая наилучшим образом выражает мое отрицательное отношение к построению в философии различного рода систем, претендующих одновременно на всеобщность и на завершенность. Немало крупных, талантливых мыслителей пали жертвами такого намерения. Одним из крупнейших был, на мой взгляд, Шеллинг, много лет обещавший своим слушателям и читателям завершить построение «системы трансцендентального идеализма». Он вместе с Гегелем начинал разрабатывать проблему тождества мышления и бытия. Но в то время как панлогист Гегель считал, что он свою систему диалектической логики завершил, в связи с чем полагал, что на этом завершилась и история, Шеллинг понял, что гегелевским образом история мира и человечества завершиться не может. Поэтому претендующий на философское размышление должен говорить от своего имени, от своего «Я», беря на себя ответственность и используя ссылки и цитаты лишь для пояснения, но не для аргументации.

Современная цивилизация «расчеловечивает» человека

Существование человека в современной господствующей в мире цивилизации выключает его из понимания, что́ он сам представляет собой, каково его место и назначение в этом мире как целом. Теряется то, что можно было бы назвать смыслом жизни, и человек ока-

зывается связанным с сиюминутными целями, с влечениями, которые им самим до конца не осознаны, с погоней за «успехом». Это приводит, как теперь принято говорить, к «дегуманизации», то есть «расчеловечиванию» человека, к ощущению бессмысленности жизни, что влечет за собой глубокое разочарование, депрессию, рост невротических и психических заболеваний. Выражаясь философским языком, *человек оказывается отчужденным от Мира и от своей собственной человеческой сущности*. Об этом говорили многие мыслители: богословы, философы, ученые, поэты и писатели.

Возможность выхода из кризисной античеловеческой ситуации

От сознания человека как нравственной личности, от глубины понимания им своего места и назначения в мире, от его действий, связанных с этим пониманием, в огромной степени зависит сейчас возможность выхода из той кризисной античеловеческой ситуации, которая сложилась.

Из существующих форм общественного сознания призваны помочь человеку в понимании им самим себя религия, философия, психология. Однако каждая из них также переживает кризисное состояние. Основные его причины лежат в формах тотального вещного отчуждения человека от мира и от своей собственной человеческой сущности в мире, охваченном капитализмом и господством рыночной экономики, денег.

Психология теряет свой предмет

Что касается психологии, то, претендуя на статус самостоятельной науки, независимой от религии и философии, она теряет свой предмет – целостного человека как личность, распадаясь на десятки слабо связанных друг с другом областей. А высказываемым иногда надеждам, что все эти отдельные области исследования некогда суммируются и получится наконец психология человека, не суждено сбыться, так как любое органическое целое неаддитивно, то есть не может быть собрано, составлено из частей. Происходит это потому, что наука появляется и развивается как неорганическое знание о вещной стороне мира, об отношениях вещей. Но человек – не вещь. Вследствие этого базирующаяся лишь на научных основаниях психология может рассматривать только то, что в человеке есть вещного, то есть не собственно человеческого, не личностного.

Многие модификации психологии личности исследуют не личность, а «социального функционера»

Вследствие этого в научной психологии существует несколько десятков трудно согласуемых и вовсе несогласуемых «научных» определений личности. Тем более оказывается неуловимой сфера этического сознания и отношений личности, составляющая «ядро» личности.

Поэтому существующие среди других научных психологий модификации «психологии личности» в действительности исследуют не личность, а чаще всего свойства «социального функционера», являющегося хорошо адаптированной частью наличного социума, называя его словом «личность».

Существенные для психологии понятия

Отделившись от философии, психология теряет понимание человека как бесконечно-конечного парадоксального существа, то есть опять-таки теряет понимание его как личности. Без философии из психологии выветрились понятия актуальной и потенциальной бесконечности, без коих невозможно представить себе, например, мир духовных и нравственных идей. Выветрилось и представление о том, что такое развитие и раскрытие, отчуждение и обособление, а также ряд других существенных параметров, без которых о человеке как личности просто невозможно говорить.

Восстановление этого теоретического багажа – необходимое условие понимания, что такое личность, а следовательно, и понимания возможностей выхода из глобального кризиса.

Задача философии по отношению к психологии

Задача философии – попытаться вооружить психологов и педагогов представлением о том, что в их руках как исследователей и воспитателей необыкновенное бесконечно-конечное парадоксальное существо, исследовать которое как целое только научными методами невозможно.

Для изучения человеческого существа, парадоксального, находящегося в процессе антропогенеза, трансцендирующего и одновременно уже трансцендентного, нужно иметь представление об изучаемой фазе антропогенеза, а также о ситуации, в которой находится сам исследователь, поскольку возникает проблема адекватности собственного мышления предмету изучения.

Для этого нужно попытаться выявить основные причины глобального кризиса современности и вещного отчуждения человека – главного препятствия на пути его развития как личности.

Показать истоки нравственного сознания личности и становления ее как высшей ценности.

На пути к этой цели возникают задачи освобождения философии и психологии от господства вещного мышления, связанного с глобальным кризисом современности.

2. Исходные основания для понимания личности

Неолитическая революция

Я вижу истоки глобального кризиса современности в так называемой «неолитической революции». Так было принято называть, основываясь на существенных изменениях «каменной индустрии», переход от эпохи «палеолита» к эпохе, названной «неолитом». Принятые названия этих эпох, с моей точки зрения, не отражают существа дела, так как оно не в изменениях «каменной индустрии», а в качественном изменении отношения Человека к Миру. В данном случае я оставляю эти названия лишь как привычные в научном обиходе, однако смысл их существенно меняется.

Палеолит и неолит – две противоположные фазы антропогенеза

С моей точки зрения, палеолит и неолит – две *противоположные* фазы антропогенеза: на протяжении миллионов лет первой фазы шло органическое совершенствование самого человека, его сознания, его морфологии при почти неизменных орудиях труда; на протяжении десятков тысяч лет второй фазы шло развитие цивилизации – «неорганического тела человека», связанное с совершенствованием орудий труда, постепенно отчуждающих человека от мира и от его собственной сущности. Во второй фазе человек, специализируясь в основном в одной своей мыслительной способности – рациональном мышлении, постепенно теряя все остальные (интуицию, способность к общению, к дружбе с животными, все способности, реликты которых теперь называются «сверхчувственными», и т.д.), становится «чужим» миру и своей собственной сущности.

Отношения «Человек–Мир» и «Субъект–Объект»

Господствовавшее в палеолите отношение «Человек–Мир» сменяется господством отношения «Субъект–Объект». Мир предстает перед человеком как набор объектов – вещей, а затем и всеобщего абстрактного эквивалента вещности – денег. Господство рыночной экономики – деградация человека как универсального существа.

Понимание этого совершенно необходимо в психологической и особенно в педагогической работе. Это понимание может быть достигнуто взаимным сближением и диффузией философии и психологии при условии правильной органической иерархии между ними: философия должна быть теоретическим фундаментом. Однако при наличном состоянии той и другой оно недостижимо. Поэтому необходим пересмотр их основных начал.

Изменение отношения человека к миру

Пересмотр основных начал философии и психологии может быть связан с пониманием того, что с изменением фазы антропогенеза на противоположную происходит изменение практически всех основных отношений чело-

века к миру, а также его представлений и понятий о себе самом и мире, накопившихся за десятки тысяч лет неолита. Наиболее глубокие изменения связаны с тем, что современная наука, будучи знанием о вещной стороне Мира, может исследовать лишь «вещные проекции человека» (или различные стороны «частичного человека»), но не может иметь своим предметом исследования Человека как *целого,* поскольку он не является вещью. То же самое следует сказать и о Мире. Неорганичность научного мировоззрения создает «научную картину мира», в которой нет места для человека.

Гипотеза о сущности неолитической революции

Сущность неолитической революции понимается как фазовый переход в противоположность: от внутреннего саморазвития человека к внешнему развитию цивилизации как его «неорганического тела». В неолите начинается вещное отчуждение человека от мира и собственной сущности, приводящее к глобальному кризису современности, внешне выраженному в господстве рыночной экономики, а внутренне – в дегуманизации человека.

Новые представления о взаимоотношении философии и религии

Новые представления о взаимоотношении философии и религии состоят в том, что предмет философии понимается как бесконечное отношение «Человек–Мир» в его осцилляции с первичным *непосредственным* религиозным отношением «Я–Ты». Такая философия была названа автором *постнеолитической.*

Новые представления о начале антропогенеза

Новые представления о начале антропогенеза связаны с возникновением бесконечного отношения «Я – Ты». Это отношение становится определяющим развитие личности.

Понимание развития

Развитие понимается как сложный процесс взаимодействия актуальной и потенциальной бесконечности, взаимодействия, детерминированного прошлым и будущим, внутренним и внешним, эволюцией и метаэволюцией.

Понимание личности

Личность понимается как становление человека (парадоксального бесконечно-конечного существа) в индивиде.

Представления об этическом сознании

Разработка представления об этическом сознании личности как располюсованном на собственно нравственность (бесконечную общечеловеческую сторону) и мораль (выражаемую в конечных нормах группового, в частности социального, бытия), что должно лежать в основе воспитания нравственной личности. Основания и следствия такого подхода к пониманию личности представлены ниже.

3. Основания постнеолитической философии

Философия как самопонимание и самоопределение Человека в Мире

Философия связана с религией. Основание и предмет философии – осцилляция переходящих друг в друга отношений: «Я–Ты» (первичное *непосредственное* религиозное отношение, лежащее в основе антропогенеза) и «Человек–Мир» (то же отношение, объективированное и *опосредованное рациональным сознанием*). Человек как разумное* существо начинается со вспышки рефлексии во всеобщей форме – осознания себя как «Я» и Мира как «Ты». Это – первичное *непосредственное религиозное* отношение – *самонахождение и самовосприятие себя в Мире*. Связанное с рефлексией трансцендирование выводит сознание в положение вненаходимости к отношению «Я–Ты». *Опосредованное* рефлексией-трансцендированием, выводящим сознание в положение вненаходимости (согласно Бердяеву – объективация), отношение «Я – Ты» предстает в своей другой ипостаси как отношение «Человек – Мир». Тогда становится возможной *философия – самопонимание и самоопределение* Человека в Мире.

Первичный акт антропогенеза

Возможность философии, философское мышление и отношение к Миру появляются задолго до философии как определенной области знания, точно так же, как возможность религии, религиозное отношение и восприятие Мира возникают задолго до определенных религиозных конфессий. Обе эти возможности заложены в первичном акте антропогенеза, когда существо, становящееся Человеком, впервые осознает, что оно существует как самостоятельное «Я», отличное от всей остальной природы (всего бытия – здесь природа и бытие неразличимы) в своем родственном отношении к бесконечному сверхприродному, сверхбытийному «Ты». Подчеркивая *целостность* этого *бесконечного* отношения «Я – Ты», М. Бубер справедливо считал его *одним* «первичным словом». Говоря философским языком, это акт рефлексии-трансцендирования.

Акт рефлексии-трансцендирования

Под рефлексией здесь имеется в виду процесс погружения в себя, воздействия на себя, размышления о себе самом.

Трансцендирование, или трансцензус, – противоположный рефлексии процесс выхода вовне, за пределы себя или какой-либо конечной определенности.

---

* Принято толковать “homo sapiens” как «человек разумный». На мой взгляд, вернее говорить о «человеке мудром».

Рефлексия-трансцендирование – диалектическая пара связанных взаимоопределением, то есть не существующих друг без друга, противоположностей, имеющая громадное значение для понимания антропогенеза (как и любого органического развития).

Углубление рефлексии в «Я–Ты» сопровождается трансцендированием – выходом Человека в своем сознании, как это ни странно (парадокс!), *за пределы бесконечного* отношения «Я–Ты» в позицию «*вненаходимости*». Из состояния «вненаходимости» он может рассматривать отношение «Я–Ты» «со стороны», и тогда оно предстает перед ним как отношение «Человек – Мир». Это *отношение* (а не Человек и не Мир в их разделенности) и является предметом *философского* размышления. Можно сказать, что *религия (как отношение «Я–Ты») может быть представлена как самонахождение и самовосприятие Человека в Мире, а философия (делающая предметом своего размышления отношение «Человек–Мир») –как самопонимание и самоопределение Человека в Мире.*

Отношение «Я – Ты» парадоксально

Следует заметить, что отношение «Я–Ты» парадоксально, так как в нем «Я» – сотворец божественного «Ты» и как таковой этому «Ты» эквивалентен, и в то же время – «тварь», по отношению к которой «Творец» бесконечно выше. Поэтому «Человеку, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя», то есть находиться в процессе непрерывного трансцендирования или (что то же самое) быть личностью.

Быть за пределами бесконечного, то есть беспредельного, парадоксально. Существование, и потому вненаходимость (в данном случае!), похожи на что-то вроде виртуальных частиц в физике. Вненаходимость осциллирует (колеблется), оказываясь одновременно и «внутринаходимостью». Непосредственное интуитивное «Я–Ты» и опосредованное вненаходимостью и размышлением «Человек–Мир» оказываются одним пульсирующим, меняющим фазы Целым.

Потенциальная Бесконечность

Рефлексия-трансцендирование представляет одну из существенных характеристик развернутой во времени *Потенциальной Бесконечности* (в дальнейшем – ПБ), которая характеризуется тем, что всякое органическое развитие развертывается как сменяющее друг друга господство противоположных фаз: фаза господства рефлексии сменяется фазой, где трансцендирование господствует над рефлексией, затем снова наступает господство рефлексии.

Существование во времени каждой качественно определенной органической системы начинается *имен-*

но с фазы *рефлексии*. Дело в том, что рефлексия создает внутренний энергетически мощный Центр – ядро системы (в случае личности – личностное «Я»), обеспечивающее ее устойчивую целостность, необходимую при взаимодействии с внешней средой (например, с социальностью) в последующей фазе трансцендирования (в случае личности – в различных формах ее деятельности и взаимоотношений с миром). В противном случае силы и энергии внешней среды могли бы разрушить систему, «растрепать» ее (например, в случае личности превратить ее в социального функционера).

Актуальная Бесконечность

«Внешний» план органического развития – план ПБ – одна ипостась бесконечности. Вторая связана с *Актуальной Бесконечностью* (в дальнейшем – АБ) – этаким *Ничто*, в котором *Всё*, областью еще не сформированных и не проявленных в материально-физическом плане бытия смыслов, качеств, форм, отношений, где все, что может быть достигнуто в *будущем* (в процессе развития во времени - в ПБ), в данный момент в проявленной форме существует лишь *потенциально*, *уже представлено актуально как существующее вечно.*

Парадокс, который возникает при осознании связи процесса развития с «неслиянностью-нераздельностью» этих двух ипостасей бесконечности, Джордано Бруно описал словами: «Вселенная находится в процессе постоянного развития, но как целое она уже обладает этим развитием». Действительно: если Вселенная бесконечна, то от ее Начала протекло бесконечное время и, следовательно, все ее формы, которые развивались, уже достигли всей возможной полноты развития и процесс должен был закончиться. Между тем мы эмпирически наблюдаем продолжение этого процесса. Подобными парадоксами напичкано представление о бесконечности. Попытки же представить Вселенную конечной (как это делают некоторые современные релятивистские космологические «модели») ведут к логическим несуразностям.

Мистики об Актуальной Бесконечности

Великие мистики, удостоившиеся вхождения («восхищения» – в христианской литературе) в АБ и непосредственного ее восприятия, говорили о трудности, практической невозможности ее вербального описания, о ее «несказанности». Тем не менее их попытки буквально неоценимы для философской интуиции, представления и размышления о Начале. Эти попытки также носят парадоксальную форму: «абсолютно полная пустота», «ничто, в котором всё», «сверкающая бездна», «слепящая тьма» и т. п. – и вызывают настро-

ения, чувства и мысли, трансцендентные конечным формам наличного бытия.

Смена фаз антропогенеза

Начальная фаза антропогенеза – палеолит – состояла в том, что это первоначальное отношение формировало внутреннее духовно-телесное развитие человека при практически неизменяющихся орудиях труда (что до сих пор вызывает удивление антропологов).

Неолитическая революция – переход к противоположной фазе – развитию орудий и орудийной деятельности (от каменного топора до современной техники и технологии) – развитию «неорганического тела человека» при неизменности и даже деградации самого человека (например, акцентуации на рациональном мышлении за счет утраты некоторых других способностей).

При этом господство отношения «Человек–Мир» постепенно замещается господством его вырожденной формы – отношением «Субъект–Объект», где Человек представлен абстрактно как частичный и в такой же абстрактной частичности представлен Мир как мир объектов. Фаза неолита – фаза *развития отчуждения* Человека от Мира и от своей собственной сущности (назначения в Мире) как целостного универсального существа.

Возникновение христианства – начало разложения фазы неолита, конец этого разложения – господство вещного отчуждения (современного производства, рынка, денег), завершающееся глобальным кризисом современности, выраженным в дегуманизации человека, кризисах демографическом, экологическом, общесоциальном и т.д., включая кризис религии и философии.

«Постнеолитическая» фаза жизни означает возврат к Началу

Наступает эпоха «междуфазья», «безмерности», «квазихаоса» («квази» потому, что в метаистории остается «вектор»), разрушения, «энтропии» всех конечно определенных форм жизни, связанных с фазой неолита, – эпоха благоприятная для воплощения новых форм жизни из области метаистории. Духовно-душевная сфера человека должна радикально измениться, чтобы принять участие в созидании «постнеолитической» фазы жизни.

В частности, сознание должно «снять» (aufheben – превзойти) отношение «Субъект–Объект», в рамках которого развивался новоевропейский рационализм (со всеми его формами культуры, включая философию и науку, которая рассматривает Мир через призму вещных отношений). Это означает *возврат к Началу* – целостному отношению «Человек–Мир», где Человек

предстает как универсальное, несущее в себе актуальную и потенциальную бесконечность, бесконечно-конечное парадоксальное существо.

Историческая задача христианства

Возникшее в неолите христианство имеет историческую задачу – «вырвать» человека из подчинивших его к тому времени кровно-родственных, племенных связей, а также связей с низшими формами сверхчувственных существ и энергий, используемых в магии, колдовстве, языческих ритуалах и т.п., и указать ему на действительный источник его жизни и развития как бесконечного, свободного и мудрого существа – на трансцендентное бесконечное «Ты». (Кстати, современная наука играет ту же роль, что языческая магия, только по отношению к чувственно воспринимаемым энергиям внешнего мира; обещая человеку, что путем их *использования* он может стать их хозяином, она фактически отчуждает его от его собственной сущности и подчиняет миру вещей.)

Задача будущей философии – подготовить сознание человека к радикальным изменениям

Задача философии похожа на задачу христианской религии – подготовить сознание человека к этому радикальному изменению. Для этого она должна сама радикально измениться и, прежде всего, начать с Начала – с размышления об отношении «Человек–Мир», что может дать ей критерий *выделения* во всей культуре прошлого *«вечного»*, причастного сфере актуальной бесконечности (АБ), и *отделения* его от конечных, исторически преходящих форм, принадлежащих бесконечности потенциальной (ПБ). Эта философия будущего (в курсах лекций я назвал ее постнеолитической) должна начинаться сейчас.

Построение различных философских систем не должно быть ее главной задачей. Во-первых, потому, что любая система является *определенной* и потому *конечной*, неспособной выразить *бесконечность* отношения «Человек–Мир». Во-вторых, «плетение понятийных кружев» уводит от этого *целостного Начала* и провоцирует «вербальное псевдопонимание».

Философия должна включить в восприятие мира всего человека

Бесконечность смыслов, которую она должна передать, выходит за границы рациональности, и она должна использовать все возможные для ее выражения средства, чтобы включить в восприятие Мира как бесконечного Целого *всего* Человека, а не только его рациональное мышление, ибо наиболее глубокие истины должны быть *пережиты* катарсически.

Будущая философия может выражать себя лишь в предположительно-вероятностном тоне, так как любое положительное утверждение есть конечность.

Она – прогулка по границе рациональности, ставящая Человека перед непостижимостью Тайны себя самого и Мира, позволяющая ощутить радость своей свободы в причастности к этой Тайне.

Через свое основание – отношение «Человек–Мир» – философия связана с первичным религиозным отношением и не имеет права забывать об этой связи.

Философское мышление не должно быть профессиональным

Философское мышление не должно быть профессиональным. Оно должно быть обращено к любому индивиду, что в принципе возможно, поскольку наибольшая глубина связана с наибольшей простотой.

Профессионализм философии – результат отчуждения и существует в мире отчуждения, так же как и общественное разделение труда. Философское мышление (и отношение к Миру) – просто мышление нормального, то есть не отчужденного, не частичного, не зачумленного современной цивилизацией, свободного Человека (личности в полном смысле этого слова). Поэтому обязанностью философии является помощь каждому индивиду в преодолении глубокого *внутреннего* рабства – рабства у вещности, по сравнению с которым все другие формы рабства (политические, идеологические, конфессиональные и т.п.) *поверхностны*. Рабство у вещности наиболее глубокое и опасное: оно искажает саму духовную основу, сущность Человека. Это труднопреодолимая подмена, тем более что внешне выглядит как свобода (демократия, так называемые гражданские права и свободы, либеральные законы и т.п.).

«Недовоплощенность» русского народа

Постнеолитическая фаза должна снова поставить на первое место саморазвитие Человека, «сняв», превратив в «свое другое» неорганическое тело цивилизации. В этом плане русский народ, остающийся недовоплощенным в социальное вещное бытие современной цивилизации, ближе других к безмерности квазихаоса (он не исторический, а эсхатологический), вследствие чего более свободен и приспособлен к принятию радикально новых форм постнеолитического будущего.

Русская философия как прообраз философии будущего

Это состояние русского народа нашло выражение в русской философии конца XIX – первой половины XX в.: она менее всего стремилась к построению систем, была менее всего профессиональна, проникая в область религии, литературы, публицистики. Глубина ее идей, захватывающая эмоциональная напряженность и центрация на будущем (профетизм) позволяют рассматривать русскую философию как прообраз философии будущего.

Отношение Человек–Мир как основание философии

Рассматривая отношение «Человек–Мир», мы говорим именно об *отношении*, а не о Мире как таковом, отделенном от Человека, и не о Человеке как таковом, отделенном от Мира, а именно об их внутренней единоприродности, о причастности Человека Миру и причастности Мира Человеку. Проблема взаимоотношения Человека как *бесконечного Целого* с миром как *бесконечным Целым* парадоксальна и представляет собой непостижимую *Тайну*. Однако полагание именно такого отношения «Человек–Мир» как *Основания философии* задает философии *направление* исследования и путь («вектор»), двигаясь по которому, она может открывать для Человека (а следовательно, и для себя) новые горизонты бытия.

Это означает переход от представления о философии как гносеологии к представлению о ней как метафизике. Слово «метафизика» имеет несколько значений, в том числе оно употребляется как синоним слова «философия». Этот термин употребляется в значении такой философии, в центре которой стоит не гносеология (учение о познании), а онтология – учение о бытии с вечными проблемами отношения Человека к Миру, к Богу, проблемами добра и зла, свободы, нравственности и тому подобными.

Отношение «*субъект–объект*», в котором фактически движется почти вся (за исключением некоторых направлений экзистенциализма) новоевропейская философия, представляется «вырождением» отношения «*Человек–Мир*». Так же, как можно себе представить отрезок прямой как вырожденный эллипс или, например, пересечение двух прямых как вырожденную гиперболу. В этом вырождении человек сводится к одной стороне своей сущности, своего бытия; за ним признается одно лишь свойство – быть субъектом познания и действия. Так же, как за миром признается одно лишь свойство – быть объектом познания и действий человека.

Пути выхода философии и психологии из кризиса

Исходя из отношения «Человек–Мир» как основания философского размышления, по-видимому, можно вывести философию (и психологию!) из того кризисного состояния, в которое она попала сегодня и в котором она фактически бессильна сориентировать человека в условиях современного глобального кризиса. При этом первоначально должна быть проделана, что называется, «грубая работа». Исходя из нового основания, необходимо радикально переосмыслить многие самые общие, коренные представления. Например, представление о развитии, об антропогенезе, которые тогда начинают

выглядеть совершенно не так, как принято видеть их в новоевропейском рационализме, в частности в современной науке.

В современных условиях глобального кризиса новоевропейская философия, созидавшая рациональные системы, не является достаточно мощным средством изменения массового сознания и уходит в прошлое.

Почувствовать, что такое философия в её глубинном смысле

Принципиально, что новая философия должна захватывать не только рациональное мышление человека, но все его существо, всю его психику. В частности, философские рассуждения должны использовать все богатство человеческой речи: образные примеры, аналогии, стихи, цитаты из художественных произведений и т.п.

Все рисунки, сравнения, примеры, образы, чертежи, аналогии должны быть употреблены для того, чтобы не только воздействовать на логическое мышление, но подключить к объяснению и чувственное восприятие, что, на мой взгляд, помогает захватить значительно более обширную область психики, включив и ее бессознательную (непосредственно связанную с актуальной бесконечностью) часть. Поэтому я цитирую стихи, чтобы вовлечь в процесс понимания и эмоции слушателей или читателей. Привожу выразительные обороты речи, пословицы и поговорки, соответствующие рассказы, напоминаю художественные произведения и так далее. Но всему этому наглядно-образному и эмоциональному материалу не нужно придавать рационально-теоретическое значение, в том числе и чертежам, схемам, рисункам. Это только намеки, указания на глубокие и обширные процессы, которые в действительности не могут быть сведены к этим рисункам, чертежам, схемам, образам и даже к чисто вербальному описанию как таковому. Это ни в коем случае не модели, не теории, не законы. Если придавать им слишком большое значение, то может возникнуть нечто похожее на упомянутое уже вербальное псевдопонимание, но на этот раз его, наверное, можно было бы назвать *наглядным* псевдопониманием. Этого нужно избежать. Моя задача – дать с помощью этих средств не только понять, но также воспринять и почувствовать то, что называется философией в ее глубинном смысле.

Наглядное представление иерархического отношения в органической системе

Вместо поясняющего рисунка я попытаюсь обратиться к вашему воображению. Представим себе отношение «Человек–Мир» в виде конуса с асимптотически уходящей в бесконечность вершиной. Этот многозначный символ, или «мыслеобраз», позволит нам наглядно

представлять иерархические отношения процессов и структур любой органической системы.

Поскольку именно отношение «Человек–Мир» является основанием и началом антропогенеза, то человек во все времена своего существования пытался так или иначе представить себя в мире, то есть представить себе это отношение. И он представлял его себе в различных мифах, сказаниях, религиях, философии и всеми возможными и доступными ему средствами. И вот все эти системы мифологий, религий, философий мы на нашем конусе можем представить себе в виде ворот, ведущих внутрь конуса. Эти ворота расположены по основанию конуса, и каждое из них представляет собой вход, ведущий внутрь конуса, то есть в нашу проблему, в ее понимание. Каждый «вход» «изготовлен» из «материала», соответствующего наличествующей в это время культуры. Он представляет собой систему *конечно определенных*, привычных для человека данной культуры образов, понятий, ходов мысли, представлений, аналогий, оборотов речи, которая помогает ему соприкоснуться с *бесконечностью* его отношения к Миру, так как для Человека (именно потому, что он Человек!) во всем конечно определенном должна «просвечивать» Бесконечность. Поэтому любыми из этих ворот можно воспользоваться для того, чтобы войти внутрь конуса.

Опасности, возникающие при входе внутрь конуса органической системы

Необходимо избегать двух опасностей. Первая состоит в том, что можно не пройти ворота, ведущие внутрь конуса, а остановиться внутри ворот. Каждые ворота созданы для того, чтобы их проходить и оставлять позади. Но если ты остановишься внутри ворот, то уже не сможешь оставить их позади и пройти внутрь конуса.

А остановиться можно в любых воротах и на чем угодно: на любой философии или религии. Например, можно застрять на К. Марксе, а можно – на историческом христианстве. Это будет самоотождествление себя с конечной, преходящей формой, с которым я встречался у слушателей в начале чтения курсов лекций. Результат будет один: ты не сможешь постичь проблему отношения «Человек–Мир» как бесконечную, ты не сможешь пройти внутрь конуса.

Вторая опасность состоит в том, что, найдя свои ворота, соответствующие тебе и по формам культуры, в которых они существуют, и по твоим каким-то индивидуальным требованиям и особенностям, ты можешь посчитать эти ворота единственно правильными, а все остальные ложными. Тем самым ты с самого начала

отсечешь себе возможность конвергировать с путями, проходящими через другие ворота.

Конвергенция как критерий истинности

Но если все-таки удастся избегнуть этих опасностей, то можно пройти внутрь конуса и постепенно, углубляясь в проблему, подниматься к его вершине. Осуществляя такой подъем, очень быстро начинаешь замечать конвергирование своего пути с другими путями и, следовательно, сближение своих идей, мыслей с другими идеями и мыслями. Начинаешь замечать, что к некоторым из мыслей, к которым ты пришел, приходили и раньше тебя, приходили другие люди, которые исходили из других оснований и, следовательно, прошли внутрь конуса через другие, отличные от твоих, ворота. При этом обнаружение, что идеи, которые ты считал своими, кто-то уже создал и открыл раньше тебя, нисколько не обескураживает. Для мыслителя, который не вошел в поток конвергенции, такая ситуация может показаться даже обидной. Он трудился, наконец достиг каких-то результатов, но выяснилось, что эти результаты задолго до него достигнуты уже другими. Иногда на этой почве возникает и борьба за приоритет – кто первый открыл то или другое. Для человека, движущегося в потоке конвергенции, открытие, что до тебя уже здесь проходили или близко к этому подходили другие и открыли те же идеи, сопровождается не огорчением, а наоборот, радостью. Когда я прихожу к каким-то идеям, которые мне вначале кажутся моим собственным личным открытием, а потом вдруг обнаруживаю, что к этим идеям люди пришли тысячи лет тому назад, я понимаю, что я двигаюсь правильным путем, в каком-то громадном потоке общечеловеческого развития. И это приносит мне удовлетворение и радость.

Таким образом, сама конвергенция (в отличие от прагматистов и, скажем, марксистов, считавших практику критерием истины) выступает здесь как критерий истинности (в смысле правильности направления вектора) моих идей.

Формальное обобщение – не конвергенция

Конвергенция – это не формальное обобщение, а скорее процесс, ему противоположный. Обобщение состоит в том, что вы объединяете предметы или явления по сходным признакам, отбрасывая признаки, которыми эти предметы или явления отличаются друг от друга. Например, можно объединить осину, березу и дуб, сказав, что это деревья. А можно присоединить сюда еще крапиву и одуванчик, назвав все это вместе с деревьями растениями. При этом в обобщенном понятии «растения» уже невозможно усмотреть никакой качественной особенно-

сти ни одуванчика, ни дуба, ни прочих входящих сюда отдельных видов растений. Понятие «растение», таким образом, оказывается по своему содержанию более бедным, чем, скажем, понятие «одуванчик». Обобщающее понятие всегда беднее содержанием тех понятий, обобщением которых оно стало.

В процессе конвергенции в конусе идет сближение всех путей и, следовательно, всех представлений и понятий; при этом каждое из них не теряет своей специфики и полноты своего содержания. Эти содержания начинают, сближаясь, проникать друг в друга, диффундировать и обогащать друг друга. Если вы двигаетесь через какие-то ворота в конусе и начинаете конвергировать, то пути через другие ворота, которые сближаются с вашим путем, нисколько не обедняют ваш путь, а наоборот, они его дополняют и обогащают. Идет обогащение и вас, и всех этих других путей. Образуется то, что Гегель назвал «конкретностью», а Константин Леонтьев – «цветущей сложностью» (или, используя вышеприведенный пример с растениями, можно также выйти к «мыслеобразу» «растения как такового» в смысле И. В. Гёте).

По мере продвижения к вершине конуса системосозидающая философия становится невозможной

В процессе конвергенции и за счет нее понятия и категории, а также представления, образы и эмоции, сближаясь и «соприкасаясь» с представлениями, образами, понятиями и категориями соседних путей, теряют жесткие границы, начинают как бы расплываться и проникать друг в друга. Это – не энтропия, так как они одновременно и сохраняют свое своеобразие, качество, свое внутреннее «ядро», связанное с прохождением данного пути именно через определенные ворота, и в то же время выходят за пределы самих себя, диффундируя в соседние пути. Сама конвергенция возможна лишь потому, что конечная определенность каждого пути несет в себе, в своей качественно особенной форме всеобщую бесконечность вершины конуса. Поэтому по мере продвижения к вершине конуса все менее остается возможностей создания какой-либо жесткой и замкнутой философской системы. Системосозидающая философия становится невозможной.

Попробуем теперь, хотя бы очень бегло и схематично, поговорить *об уровнях, которые проходятся в процессе конвергенции при подъеме к вершине конуса*.

Самый нижний уровень в процессе конвергенции – уровень спора

Самый нижний уровень – это уровень основания конуса и ворот. Здесь взаимоотношения между путями, проходящими через разные ворота, в значительной степени есть отношения взаимоисключения. Представители различных путей, как правило, отрицают друг

друга, спорят друг с другом; это *уровень спора*. Этот спор может принимать различную степень остроты и различные формы, вплоть до физического уничтожения друг друга (например, войны между исламом и христианством). Цель спора – всегда самоутверждение за счет опровержения, поражения противника. Вот как об этом говорил известный французский мыслитель, мудрец Мишель Монтень: «Ничто не отстоит так далеко от истины, как спор»; «При малейшем возражении мы стараемся обдумать не основательность или неосновательность его, а каким образом, правдой или неправдой, его опровергнуть»; «Мы учимся в споре лишь возражать, а так как каждый только возражает и не выслушивает возражения, это приводит к тому, что теряется, уничтожается истина».

Уровень диалога направлен на достижения согласия в восприятии истины

При подъеме внутри конуса, когда мы начинаем ощущать конвергенцию, понимать, что смысл, который пытались на уровне спора только отрицать, несет в себе нечто общее с нашим пониманием, становится возможным уже не спор, а *диалог*.

В отличие от спора в диалоге стороны пытаются не опровергнуть друг друга и за счет этого самоутвердиться, но *найти общую для них истину*. Поэтому диалог может быть плодотворным и поиск истины может увенчаться тем или другим (временным) успехом. В диалоге, таким образом, предполагается в той или другой степени «объективность» истины, в смысле ее независимости от воли и сознания не только спорящих сторон, но всех людей вообще. И диалогизирующие стороны пытаются добиться согласия друг с другом в восприятии этой истины.

Уровень осознания личностного характера истины

Следующий за *уровнем диалога* более высокий уровень связан с осознанием *личностного характера истины*. При этом объективность истины никуда не исчезает, но она становится вторичным, подчиненным, «снятым» моментом. Личность, ее своеобразие, ее свое особенное видение, восприятие и чувствование истины оказываются более важными, чем объективность этой истины, то есть независимость ее от личности (то есть происходит выход за рамки субъект-объектного отношения).

Здесь разговор об истине начинает терять форму диалога. Просто в нашем разговоре, в нашем общении мы с тобой делимся каждый своим пониманием и восприятием истины. При этом мое понимание и восприятие истины обогащает твое представление о ней и, соответственно, твое понимание и восприятие ее же обога-

щает меня. Но при этом я не пытаюсь твое восприятие и понимание истины сделать таким же, как мое, а ты не пытаешься меня подогнать под свою мерку. Каждый из нас остается свободным в своем индивидуально-личностном восприятии и понимании истины. На этом уровне уже совершенно теряет смысл построение, создание каких-то философских систем или какого-то мировоззрения, которое предназначено для всех и должно быть у всех одинаковым. Это мировоззрение должно спонтанно *органически вырасти само*, но на гораздо более высоком уровне подъема в нашем воображаемом конусе.

Уровень диффузного сознания

Следующий, более высокий уровень – это уровень, который я назвал *уровнем диффузного сознания*. Он оказался очень важным для меня, потому что именно с достижением этого уровня и связан вышеупомянутый переворот в моем понимании предмета, целей и формы развития такой философии, которая мне представляется радикально новой и способной выйти из кризиса. Как ни парадоксально это звучит, эта новая философия конвергирует и с наиболее древней.

На этом уровне сознание может уже занять позицию вненаходимости по отношению к путям через разные ворота, взглянуть на них сверху и увидеть и ворота, и пути через них как бы в плане. Сознание не самоотождествляется ни с каким из этих путей. Все они представляются ему в виде некоего диффузного поля, в котором они более или менее растворены и проникают друг в друга. Но для определенного исследования или решения какой-либо определенной задачи сознание своим вниманием может «выхватить» из этого общего диффузного поля определенное – религиозное или философское – учение, наиболее подходящее для решения поставленной задачи. Говоря физико-математическим языком, сознание может создать в этом диффузном поле некоторую «сингулярность», некоторую особенность. Когда надобность в этом учении отпадает, то сознание «отпускает» его и оно снова растворяется в общем диффузном поле. Сингулярность исчезает.

Таким образом, сознание остается свободным от всякой конечной определенности, то есть не связанным постоянно с тем или другим определенным учением. Так, например, Н. А. Бердяев, уже отойдя от марксизма и не будучи последователем К. Маркса, тем не менее, считал, что для анализа капитализма можно воспользоваться марксовой теорией.

Это состояние сознания, пожалуй, можно было бы также назвать безмерным, поскольку оно не определяется никакой конечной мерой. Благодаря безмерности, внутренней и внешней неограниченности диффузное сознание подвижно и текуче, легко принимает любые формы и может проникать в новые области. За эту способность проникновения я и назвал его диффузным. Оно остается открытым и чувствительным ко всему новому. Оно как бы направлено в будущее.

Мой опыт подъема по уровням конуса

Уровень диффузного сознания – это тот уровень, которого я достиг, но выше которого я уже подняться не смог. Выше я мог только, «глядя вверх», теоретически предполагать и интуитивно предчувствовать некоторые состояния сознания и описания. Похожие на эти предположения мне иногда попадались (например, в мистической литературе). Но этот уровень для меня постоянным не стал. Были только короткие моменты подобных переживаний, а в основном я мог только смотреть на эти уровни снизу, как говорится, «задрав голову».

Предчувствие высших уровней сознания

По моим представлениям и интуитивным предчувствиям, к этим высшим состояниям относится, например, *уровень, когда оказывается несущественной вербальность*, то есть презентация понимания в словах. Общение в словах, конечно, и тогда происходит, но это самые обыденные слова. Не надо говорить о высоких истинах, о философии, об особенных состояниях сознания, о духовности и, вообще, о так называемых «высших сферах». Каждый из общающихся сам уже находится в этой сфере духа и непосредственно чувствует ее в других. Поэтому, когда произносятся самые обычные слова, каждый чувствует за ними глубокий, скрытый сакральный (священный) смысл, который невозможно воспринять и почувствовать, находясь только на том вербальном уровне общения, который свойствен новоевропейскому рационализму с его вещным отчуждением человека. Надо самому находиться на этом высоком духовном уровне.

Это как бы процесс, противоположный секуляризации, которая происходит и со словами, представляя собой «энтропию языка» (пример – энтропия русского языка в наших СМИ, которые превращают его в смесь полублатного жаргона и кухонного трёпа). То есть это процесс, в котором обычным словам возвращается их первоначальный, сакральный, то есть священный, духовный смысл.

Состояние неслиянности-нераздельности

Можно предположить и еще более высокий уровень, когда слова становятся вообще ненужными и смысл

передается непосредственно, независимо от языка, на котором он может быть выражен.

Так как конвергенция охватывает не только сознание человека, но и все его представления, восприятия, и не только человека, но и те явления действительности, которые в наше время обычно принято называть «объективными», то при движении еще дальше вверх можно предположить, что на некоторых уровнях они оказываются в особом, проникающем друг в друга и в то же самое время сохраняющем обособленность, парадоксальном состоянии, которое можно назвать *неслиянность–нераздельность* (например, мысль и реальность, пространство и время и так далее). Это, например, значит, что человек, находящийся на этом уровне, своей мыслью может непосредственно творить реальность этого уровня. Возникает возможность некой «высшей магии», которая «снимает» науку, превращая ее в частный случай действий с вещами.

Мистический опыт

Наконец, еще выше и еще дальше проникает мистический опыт. То, с чем встречались там великие мистики, настолько необычно, что все они говорили о практической невозможности описать это обычными словами и образами. Положительное, однозначное описание не получается, и им приходится употреблять взаимоисключающие эпитеты или понятия. Например, «сверкающая бездна», «слепящая тьма», «абсолютно полная пустота», «ничто, в котором всё» и т. п.

Философия будущего как свободное размышление, имеющее вероятностный характер

Уровень диффузного сознания характеризуется тем, что начинается мое личное освоение и понимание философии как своего мира. Слово «моё» я употребляю здесь не для самоутверждения, а чтобы подчеркнуть *ограниченность* этого понимания моим личным опытом, его необщеобязательность. За границами *моего* опыта и моего понимания лежит *бесконечное* поле *иных* опытов и пониманий, и, если я не хочу оказаться замкнутым в конечной области, наибольший интерес должно для меня представлять такое *иное*, которое исходит из оснований, *противоположных* моим. Я должен приписать этому иному не меньшую степень истинности, чем своим собственным личным пониманию и опыту. Это дает мне возможность выхода за границы своего собственного опыта и помогает занять по отношению к нему позицию вненаходимости. Таким образом, я могу избежать самоотождествления со всем конечным, в том числе и с моим собственным пониманием и опытом.

Диффузность, нежесткость всех понятий и представлений на уровне диффузного сознания приводят к

тому, что и саму философию будущего, как я ее понимаю, приходится рассматривать не как жесткую конструкцию, систему из категорий и понятий, истинную в силу своей «объективности», а как некоторое свободное размышление, имеющее вероятностный характер: «может быть так, но может быть и по-другому».

Единственная (но не абсолютная) гарантия его истинности – связь с интуитивным представлением о всеобщем начале (отношении «Человек–Мир»), к которому я пришел. Поэтому в изложении я склонен употреблять слова «вероятно», «возможно», «мне кажется», «я думаю» и т. п.

Парадокс развития

Частота употребления нами понятия «развитие» приводит к тому, что мы уже не задумываемся о его внутреннем содержании. Например, мы говорим «развитие личности». Но если мы с вами поближе познакомимся с понятием «развитие», то выяснится, что оно парадоксально, а анализ этой парадоксальности приводит к некоторым выводам и заключениям, о которых большинство употребляющих это понятие не задумывалось.

Развитие одновременно связано с изменением и неизменностью

Для начала мы встретимся с парадоксальным тезисом – нам придется признать связанность развития одновременно с изменением и неизменностью. Если нечто развивается, то это означает, что оно, с одной стороны, изменяется, а с другой стороны, остается самим собой. Действительно, если мы предположим, что нечто только изменяется во времени, не сохраняется, и припишем ему только свойство изменения, то какие основания у нас в различные моменты времени считать, что мы имеем дело с тем же самым нечто? Если же, наоборот, мы припишем ему тождественность самому себе, неизменность, то, спрашивается, при чем здесь развитие? Следовательно, если нечто развивается, то мы должны приписать ему сразу и *изменение*, отличие от самого себя с течением времени, но также и *неизменность*, самотождественность. Таким образом, мы встречаемся здесь с парадоксом, который можно назвать парадоксом развития.

Парадокс развития, связанный с временем

Еще один парадокс, связанный с развитием. Представим себе ось времени в виде горизонтальной линии.

Слева у нас пусть будет прошлое, и линия времени уходит в бесконечное прошлое, а справа будущее. Тогда настоящее предстанет перед нами безразмерной точкой на этой линии, точкой, которая движется слева направо, а состояние Мира в данный момент времени можно на нашем рисунке представить как вертикальную линию, проходящую через эту точку настоящего. В

этой самой точке настоящего отсутствует прошлое, его уже нет, но в этой точке отсутствует и будущее, потому что его еще нет, следовательно, существует реально только настоящее. Но в таком случае – что же такое развитие как движение из прошлого в будущее? Получается, что представление о развитии имеет дело с тем, чего нет, с ничто.

Если же мы попытаемся включить в наше представление о развитии прошлое и будущее, как бы «растянув» это наше представление по оси времени, то получится, что есть будущее, которое с течением времени непрерывно превращается в прошлое. Но тогда исчезает настоящее. Оно действительно оказывается не обладающим никакими измерениями во времени, а может быть представлено только как некое пространственное сечение данного мгновения. Но тогда, следовательно, настоящее выпадает из процесса, из развития.

Выход состоит в том, чтобы представить себе сразу и прошлое, и будущее как существующие и определяющие, детерминирующие собой момент настоящего. Тогда момент настоящего окажется включенным в развитие.

Детерминация настоящего будущим

С детерминацией настоящего прошлым, то есть с зависимостью настоящего от прошлого, мы все хорошо знакомы. Это – причина, причинная зависимость. А вот с детерминацией настоящего будущим в нашем представлении, представлении современного человека западной цивилизации, дело обстоит несколько хуже. Мы готовы согласиться с тем, что поступки человека определяются будущим, то есть его сознательной целью, но нам трудно себе представить, что мир вне человека также может быть детерминирован целью как своим собственным будущим. Философское учение и даже просто представление о детерминации целью – телеология (от древнегреческого «телос» – цель) трудно принимается сознанием современного европейца, в отличие, скажем, от европейца средневекового, где телеологическое объяснение явлений принималось как совершенно нормальное и понятное. Когда современный европеец будет пытаться объяснить что-то, он будет стараться ответить на вопрос «почему?», в то время как средневековый европеец в этой же ситуации пытался ответить на вопрос «для чего?». «Почему?» тоже существовало для средневекового европейца, но годилось в его понимании только для пояснения мелких (например, бытовых) явлений и связей.

Трудность принятия целевой зависимости современным сознанием

Сейчас я хочу обратить внимание только на то, что такая трудность принятия целевой зависимости связана с особенностями нашего современного сознания, с его

определенной ограниченностью. Мы готовы согласиться с тем, что цыпленок развивается во взрослую курицу по той причине, что в нем, допустим, в его генетическом аппарате, есть нечто, что как бы подталкивает его сзади в этом направлении. Но нам труднее себе представить, что цыпленок превращается во взрослую курицу потому, что есть некий образ взрослой курицы как цель, которая, ну, что ли, «притягивает» к себе цыпленка.

Между тем современная биология вынуждена признать, что одними внутренними факторами развитие организма, начиная от его эмбрионального состояния и до взрослого состояния, не определяется, что приходится признать существование некоторого, не известного пока что науке внешнего фактора, который ведет направленно процесс развития, начиная с того, что делящиеся клетки эмбриона образуют совершенно определенные ткани и органы. Того, что может быть заложено в генетическом аппарате, совершенно недостаточно для формирования организма. Должен существовать где-то, как-то и какой-то образ *целого*, к которому и направлено развитие, то есть та самая цель.

Существуют и другие явления, эмпирически регистрируемые в эволюции живой природы, которые явно указывают на телеологическую зависимость эволюции, но которые, однако, до сих пор не получили объяснения.

«Сверхфизические», нематериальные планы бытия

На каждом более или менее определенном, более или менее завершенном этапе развития, который мы можем выделить, в его начале в форме цели уже имеется то, что должно получиться в его конце. То, что вначале уже есть в непроявленной форме, должно проявиться, реализоваться в конце. Возникает вопрос, где же эта цель, или некий конечный образ существует, если он еще не проявился в нашем наличном, физическом плане бытия? Приходится предположить, хотя с этим трудно мирится научное мышление, что существуют некие области бытия за пределами физического, телесного, материального его воплощения. Впрочем, можно не предполагать, так как с момента своего возникновения на протяжении всего антропогенеза человек знал о существовании неких «сверхфизических», нематериальных планов бытия и соответствующим образом практически их использовал. И только локальное, ограниченное по времени и месту новоевропейское сознание (последние 350–400 лет; Западная Европа) настолько погрузилось в мир вещей и вещных отношений, в логику этого мира, настолько подчини-

лось ему, что «забыло» о существовании нематериальных областей бытия, а наука, став господствующей формой познания, стала активно бороться против признания существования этих нематериальных областей бытия, вплоть до отрицания хорошо известных в течение тысяч лет феноменов, связанных с проникновением соответствующих явлений, образов и энергий из этих областей в область физически проявленного материального бытия. И связано это было с общей секуляризацией жизни и сознания. Лишь в последние десятилетия наука начинает признавать (но отнюдь не понимать) реальность измерений и планов бытия, которые находятся за пределами физической реальности. Вместе с этим приходится признать и практическую действенность магии, издавна использовавшей энергии и силы внефизической реальности.

Две цепочки детерминации настоящего

Если теперь мы вернемся к нашему представлению оси времени как горизонтальной линии, уходящей бесконечно в прошлое и будущее, то мы можем построить две цепочки детерминации.

Первая цепочка – это уходящая бесконечно в прошлое цепь следствий и причин: у каждой причины есть предшествовавшая ей причина, следствием которой она явилась, и так далее. Будет цепочка причин до какой-то самой отдаленной, а если говорить о бесконечности, то это цепочка, уходящая в бесконечность прошлого, детерминация в которой будет направлена слева направо, то есть каждая причина будет вызывать следствие, это следствие будет причиной последующего следствия и так далее, вплоть до настоящего момента.

Вторая такая цепочка может быть представлена из последовательности целей, то есть наиболее отдаленная цель будет вызывать, детерминировать цель более близкую, та – еще более близкую к настоящему и так далее. Эта цепочка будет направлена из бесконечности будущего к настоящему, то есть справа налево. Но, как мы уже заметили, цель в непроявленной форме уже в настоящий момент актуально существует, хотя должна проявиться в физическом, материальном плане только в будущем. Следовательно, и вся подлежащая проявлению и реализации в бесконечном будущем цепочка целей уже актуально существует в каждый данный момент.

Бесконечность бытия существует в двух формах

Бесконечность бытия, таким образом, существует сразу непременно в двух формах: в форме бесконечного изменения, реализации и смены конечных форм во времени, уходящей в бесконечное будущее, и в форме, в которой все, что может быть достигнуто развитием во

времени, в будущем, уже существует актуально, вне времени. Бесконечная смена, цепь сменяющих друг друга во времени конечных форм физического бытия может быть названа *потенциальной бесконечностью* (ПБ), а непроявленное существование этих форм вне времени и пространства физического бытия можно назвать *бесконечностью актуальной* (АБ). В актуальную бесконечность уходит вершина нашего конуса, изображающая отношение «Человек–Мир», в нее же выходили упомянутые выше великие мистики.

Всякое развитие предполагает существование этих двух не отделимых друг от друга полюсов, или форм бесконечности. На нашем рисунке, изображающем ось времени, мы можем чисто условно изобразить вертикаль, проходящую через любую точку этой горизонтальной оси времени, и считать, что эта вертикаль уходит во вневременную область актуальной бесконечности.

Научные теории эволюции не могут быть истинными

В органическом развитии началом всегда является целое, части всегда вторичны. Поэтому всякие научные теории эволюции не могут быть истинными, поскольку стандартный способ мышления и научно-технологического действия неорганичен, предполагает целое (все равно – мыслимое или материальное) как конструкцию из своих частей. Поэтому же и дарвинизм не может быть теорией происхождения видов, но лишь «теорией» адаптации уже существующих видов к меняющимся условиям существования. Это достаточно убедительно показал уже Анри Бергсон в своей «Творческой эволюции». Новые же виды появляются в порядке детерминации настоящего будущим, сразу как целые, будь то биологические виды или целые новые цивилизации. В биологии это явление получило название «ароморфозы». По-видимому, происходит прорыв в наличное эмпирическое бытие готовых к воплощению целых качественных форм из области метаэволюции и метаистории.

Мы, пожалуй, теперь можем ответить и на вопрос Дмитрия Ивановича Блохинцева, основателя Объединенного института ядерных исследований: «человеческий разум... оказывается способным предсказывать возможные закономерности внешнего мира, с которыми он еще не имел случая встретиться в жизни. Не значит ли это, что наш разум посвящен в тайны мира, но не помнит, когда и где произошло это посвящение?» [2]. Мы теперь можем сказать, что это посвящение есть соприкосновение с областью актуальной бесконечности, где все идеи и принципы *уже существуют* акту-

ально и проявляются в сознании *априорно*, то есть до опыта, до эмпирии.

Личностное развитие и область актуальной бесконечности

Я сейчас касаюсь этой проблемы связи между актуальной и потенциальной бесконечностью очень коротко, отметив лишь, что полноценное личностное развитие невозможно без связи индивида с областью актуальной бесконечности. В какой форме и каким образом эта связь может осуществляться – это один из самых существенных вопросов воспитания личности. Потому что воспитание должно обязательно включать в себя организацию встречи индивида с областью актуальной бесконечности. Без этой встречи личность не развивается, не формируется. Личность вообще формируется только в отношении «Человек–Мир» и не может формироваться в границах отношения субъект–объект. Таким образом, развитие и раскрытие – диалектическая пара, из коей вещное мышление видит только одну половину.

Антропогенез

Антропогенез в целом есть Тайна и навсегда останется Тайной. Данное короткое размышление есть лишь один из возможных вариантов представления некоторого «отрезка» антропогенеза, имеющего, как мне кажется, непосредственное отношение к возникновению современного глобального кризиса.

Человек как разумное (лучше, по-моему, переводить sapiens – как мудрое, что, на мой взгляд, вернее) существо начинается со вспышки рефлексии во всеобщей форме – осознания себя как «Я» и Мира как «Ты». Это первичное, *непосредственное религиозное* отношение – *самонахождение и самовосприятие себя в Мире*. Связанное с рефлексией трансцендирование выводит сознание в положение вненаходимости к «Я – Ты». *Опосредованное* рефлексией-трансцендированием отношение «Я–Ты» предстает в своей другой ипостаси, как «Я–Бог», или «Человек–Мир». Тогда становится возможной *философия – самопонимание и самоопределение* Человека в Мире.

Фаза палеолита и неолитическая революция

Фаза антропогенеза, которую принято в науке называть палеолит, состояла не в особенностях «каменной индустрии» (что отражено в самом названии («древнекаменный»), а в том, что это был период или эпоха формирования внутреннего духовно-телесного существа человека при практически не изменяющихся орудиях труда. Это был период господства рефлексии.

Неолитическая революция – переход к противоположной фазе: развитию орудий и орудийной деятельности (от каменного топора до современной техники и технологии), развитию «неорганического тела человека»

при неизменности и даже деградации самого человека (например, акцентуации рационального мышления за счет некоторых других способностей).

Отчуждение Человека от Мира

Господство отношения «Человек–Мир» постепенно замещается господством его вырожденной формы – отношением «Субъект–Объект», где Человек представлен абстрактно как частичный и в такой же абстрактной частичности представлен Мир как мир объектов. Фаза неолита – фаза *развития отчуждения* Человека от Мира и от своей собственной сущности (назначения в Мире) как целостного универсального существа.

Возникновение христианства – начало разложения фазы неолита, конец этого разложения – господство вещного отчуждения (современного производства, рынка, денег), завершающееся глобальным кризисом современности, выраженным в дегуманизации человека, кризисах демографическом, экологическом, общесоциальном и т.д., включая кризис религии и философии. Это кризис завершающей фазы неолита: вещное отчуждение человека, приобретающее всеобщую форму в господстве денег.

Эпоха новых форм жизни из области метаистории

Наступает эпоха «междуфазья», «безмерности», «квазихаоса», разрушения, «энтропии» всех конечно определенных форм жизни, связанных с фазой неолита, эпоха, благоприятная для воплощения новых форм жизни из области метаистории. Духовно-душевная сфера человека должна радикально измениться, чтобы принять участие в созидании «постнеолитической» фазы жизни.

В частности, сознание должно «снять» (aufheben – превзойти) отношение «Субъект–Объект», в рамках которого развивался новоевропейский рационализм со всеми его формами культуры, включая философию и науку (рассматривающую Мир через призму вещных отношений). Это означает *возврат к Началу* – целостному отношению «Человек–Мир», где Человек предстает как универсальное, несущее в себе актуальную и потенциальную бесконечность, бесконечно-конечное парадоксальное существо.

Задача философии

Задача философии – подготовить сознание человека к этому радикальному изменению, для чего она должна сама радикально измениться и, прежде всего, начать с Начала – с размышления об отношении «Человек–Мир», осциллирующего с отношением «Я–Ты», что может дать ей критерий *выделения* во всей культуре (включая и саму философию) *«вечного»*, причастного сфере актуальной бесконечности (АБ), и *отделения* его

от конечных, исторически преходящих форм, принадлежащих бесконечности потенциальной (ПБ), «снимаемых» и оставляемых позади. Эта философия будущего (в курсах лекций я назвал ее «постнеолитической») должна начинаться сейчас. Здесь можно указать только ее некоторые основные черты.

Представление о личности связано с началом христианства

Существуют десятки *различных* профессиональных определений личности. Между тем непрофессионалы *сходятся* в своих представлениях о личности как о человеке надежном, слова и дела которого не расходятся друг с другом, который сам свободно решает, что ему делать и сам отвечает за результаты своих действий. Такое представление о личности связано с началом христианства. Опираясь на это начало, мы можем сказать, что *личность — это индивид, обладающий бесконечной внутренней свободой в принятии решений и действиях и одновременно индивидуальной, ни с кем не разделенной, такой же бесконечной, взятой на себя нравственной ответственностью за результаты этих решений и действий*. Ответственностью перед Богом, Миром, Человечеством, которая может идти только от Центра и выражает себя голосом совести. Таким образом, личность самоопределяется в бесконечных параметрах.

Парадокс человеческого существования

Основной парадокс человеческого существования состоит в том, что Человек – *двойственное, бесконечно-конечное* существо. Будучи бесконечен в духе, в созерцании, в мысли, в чувстве, в воле, в фантазии и т. д., он конечен телесно: «Я телом в прахе истлеваю, умом громам повелеваю, Я царь, я раб, я червь, я Бог» (Г. Державин). Человек смертен и *знает о неизбежности своей смерти*. Бесконечное число трагических коллизий порождает это знание и такое же число самообманов, уловок, ухищрений, объяснений и надежд на чудо бессмертия было придумано, чтобы избавиться от этого знания: и утешение себя, что жизнь продолжится в твоем потомстве, и различные образы спасения, переселения душ и т.п.

Не обсуждая здесь бесконечные проблемы и противоречия, порождаемые парадоксальностью Человека, я хочу обратить внимание на одно обстоятельство, состоящее в том, что, как известно, человеческий индивид – существо общественное и может жить и формироваться как человек и личность лишь в общении с другими людьми, что делает бесконечную свободу его «Я» неразрывно связанной с такой же бесконечной ответственностью перед «Мы». Но это «Мы» также оказывается представленным двойственно: «Мы» ограниченное группо-

вое, социальное, «**с**борное» и «Мы» универсальное, личностное, как совокупность «Я», связанных непосредственно центрами, «**со**борное».

Двойственность этического сознания

Этическое сознание личности также оказывается двойственным, располюсованным на противостоящие друг другу бесконечную, безусловную и ограниченную, обусловленную наличными (прежде всего, социально-историческими) условиями бытия, стороны. Когда в 1967 году я пришел к этой идее, мне открылось сразу столько во внутреннем мире Человека, что захотелось кричать «Эврика!» и в безумной самонадеянности казалось, что теперь я осчастливлю психологов и педагогов, и я стал ее «пропагандировать», где и как мог. Считая это противоречие основным, движущим развитие личности, «разностью потенциалов», дающей ей «этическую энергию», я описал его в заказанной мне Политиздатом в 1969 году статье «Взаимоотношение науки и нравственности» для сборника «Наука и нравственность». При этом, поскольку «нормы и правила поведения человека», предъявляемые ему его социальным окружением, принято было называть *моралью*, противостоящие морали бесконечные и безусловные принципы человеческого бытия, выражающие себя в «голосе совести», я назвал *нравственностью* в собственном смысле слова.

Перипетии с проблемой нравственности

Все, что касалось нравственности, было из упомянутой статьи изъято, и остатки ее были опубликованы в указанном сборнике в 1971 году под названием «Наука и человек» [3]. Полностью она была опубликована лишь при переиздании сборника на иностранных языках [4].

Я не буду говорить об исторических и теоретических корнях этой проблемы, а также о том, что *после того*, как я «открыл» ее для себя, я получил способность «видеть» ее, в любых «одеждах» и формах, у каких бы авторов, в какой бы литературе я с нею не встречался. Мне кажется, что ее интуитивно чувствовали многие поэты и писатели, а также педагоги, менее «онаученные», чем психологи, и самим характером своей работы вынужденные соприкасаться с целостной, готовой к личностному росту индивидуальностью ребенка.

Учитывая все эти обстоятельства, здесь я напомню схематично лишь самые главные моменты проблемы в качестве «вех», позволяющих понять и разобраться во всем остальном.

Противостояние морали и нравственности

Поясняя противостояние морали и нравственности, я обычно начинаю с самого простого, всем известного примера: как можно в двух словах определить содержа-

ние пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп»? Как столкновение морали и нравственности. Герой пьесы чувствует, что жить по правилам морали общества, к которому он принадлежит, не позволяет совесть – проявление нравственности. Внутренний конфликт достигает остроты, приводящей к самоубийству. Практически вся глубокая литература и поэзия живут в ощущении этого конфликта. Б. Л. Пастернак в «Охранной грамоте» употреблял выражение «безнравственная мораль».

Сравнительные характеристики морали и нравственности

Сравним по некоторым параметрам мораль и нравственность.

Мораль всегда носит социально-групповой характер: мораль семьи, мораль любой оформившейся социальной группы, мораль церкви, классовая мораль, мораль члена партии, мораль вора в законе и т. п.

Нравственность одна – общечеловеческая.

Мораль всегда предписывается индивиду извне от социальной группы в форме конечно определенных норм и правил.

Нравственность «растет» изнутри вместе с личностным «Я» индивида, а часто даже опережает формирование личностного «Я» и внешне не может быть выражена в нормах, а лишь (и то не всегда) в безусловных, бесконечных принципах.

Моралью можно пользоваться как средством психического давления, порабощения и шантажа. Она, прежде всего, существует для других.

Нравственностью пользоваться нельзя, она вне отношения использования и существует, прежде всего, для себя.

Оценка морального поведения исходит от социального окружения («будешь хороший – получишь конфетку», а иногда и более весомые блага).

Оценкой нравственности является совесть

Оценкой нравственности является совесть, это всегда *самооценка* (иногда довольно жестокая) и ни в какой степени она не может зависеть от мнения социального окружения. Иногда ситуация складывается так, что индивиду приходится выбирать: совершить ли поступок моральный и заслужить одобрение общества или поступить по совести, вызвав презрение не только современников, но и потомков, осуждение и, может быть, даже гибель. Например, некоторые герои произведений Ф. М. Достоевского ведут себя с обывательской точки зрения странно: вынужденные под давлением угрожающих жизни обстоятельств совершить безнравственный поступок, они не оправдываются силой принуждающих обстоятельств, а берут вину на себя. Это – показатель

высокой степени нравственного развития: если твоя внутренняя свобода и ответственность бесконечны, то не может существовать внешней силы, могущей заставить тебя поступить безнравственно. А если такая сила нашлась, значит, ты оказался нравственно слаб, твоя вина, кайся! Таким образом, бывают ситуации, которые «не читки требуют с актера, а полной гибели всерьез».

Конфликты между нравственностью и моралью

Одним из основных показателей личностного развития индивида является глубина осознания им конфликта между нравственностью и моралью. Существование в социуме требует уважения моральных норм. До какой степени и в какой ситуации им следовать – решать личности. В это глубоко личностное решение нельзя вмешиваться со стороны. Нельзя решать, кто более прав: Джордано Бруно или Галилео Галилей.

Конфликты между нравственностью и моралью в процессе личностного развития (отсутствие конфликтов означает, что развития личности не происходит) встречаются повседневно, и трудности их разрешения есть трудности личностного роста индивида. Нормальное личностное отношение в этих конфликтах – это первенство нравственности над моралью. Поэтому «грош цена любой морали, если за ней не стоит максимализм нравственности».

Бесконечность и здесь преподносит парадоксы и безвыходные положения. Например: вы видите человека, собирающегося убить ребенка. Вы можете помешать, только убив этого человека. Ваше вмешательство или невмешательство в обоих случаях есть нарушение заповеди «не убий!» и, следовательно, вам не избежать нравственной ответственности и вины.

Пожертвовать не собой, а другим – значит взять на себя вину и ответственность

Еще один парадокс, многообразно представленный в литературе (в частности, у Ф. М. Достоевского в притче о «билете в рай» и «слезинке ребенка»): представим ситуацию, когда для спасения жизни тысяч людей необходимо пожертвовать жизнью одного. *Мораль* вкупе с наукой начнут рассуждать, а не превышает ли польза обществу от этого одного пользу, которую могут принести означенные тысячи, и на основе этих соображений решать проблему. С точки зрения *нравственности* проблема, так поставленная, представляет неразрешимый парадокс, поскольку один эквивалентен каждому из этих тысяч и одновременно всем им вместе, и не только им, а и всему человечеству. Проблема должна быть перевернута: каждый *может пожертвовать собой* ради спасения других, но никто со стороны *не может пожертвовать им, ибо каждый – не просто* часть *чего-то (Мира,*

общества, социума и т.п.), но целое, *бесконечная ценность*. Пожертвовать не собой, а другим – значит взять на себя бесконечную вину и ответственность.

Взаимоотношение морали и нравственности – узел связи философии, психологии и педагогики

Взаимоотношение морали и нравственности – центральная и сложнейшая проблема становления личности, представляющая собой узел связи философии, психологии и педагогики.

Остается педагогике размышлять и экспериментировать, как ее решать, особенно в настоящих невероятно сложных условиях, когда власти предержащие пытаются насадить в России рыночную экономику. Рыночная экономика, капиталистическое общество и все сопутствующие им общественные формы и соответствующая мораль абсолютно безнравственны и антиличностны. Личность вообще в условиях социума всегда вынуждена «идти против течения», а в наших современных это еще и условие спасения «архетипа» русского человека, а следовательно, и нации.

Начинать воспитание надо с формирования сознания

С точки зрения философии ясно одно: начинать воспитание надо «сверху», с формирования сознания и чувства бесконечности личностного «Я», а оно формируется только в его отношении с божественным «Ты». Может быть, следует воспользоваться опытом клерикальной педагогики (например, томистская педагогика начинает с внушения ребенку, что он является бесконечной, любимой Богом ценностью).

Во всяком случае, не с того, что я чаще всего слышу в публичных выступлениях наших, даже известных, педагогов. Рассуждают примерно так: «Жизнь в современной цивилизации настолько быстро меняется, что первейшей задачей педагогики является от нее не отстать, а стараться воспитывать ребенка так, чтобы он мог легко к ней приспособиться». То есть речь идет об адаптации ребенка к социуму, его, как теперь принято говорить, «социализации». Я же думаю, что воспитывать ребенка надо так, чтобы он мог «идти против течения» современной цивилизации и выдерживать колоссальный ее напор, стремящийся уничтожить в нем Человека. Несвоевременная, не согласованная с фазами его индивидуального развития социализация убивает в ребенке способность «идти против течения», творческие способности и возможность развиваться как личность. Его уделом в этом случае, скорее всего, будет стать социальным функционером.

Личностное развитие человека продолжается всю его жизнь, и в каждый момент времени каждый из нас в какой-то степени и в каком-то отношении личность, а

именно в той степени и в том отношении, где он может действовать свободно и ответственно.

Парадокс свободы личности

Что касается свободы личности, то, как мы уже говорили, ее парадоксальность состоит том, что в этой свободе одновременно присутствуют кажущиеся рациональному сознанию несовместимыми абсолютная недетерминированность, произвол и нравственная ответственность, как будто бы этот произвол ограничивающая. В плане внешнего рационального размышления и действия этот парадокс неразрешим. Его «снятие» может происходить только в сверхрациональной сокровенной глубине личностного «Я», принимающего согласное с его *совестью нравственное* решение. Здесь снимается ограниченность, так как выясняется, что у нравственности отсутствуют границы, но есть вектор, направленный «вверх», к АБ, к Богу, – вектор, который так же безграничен. Благодаря этой бесконечности и, что особенно важно, *качественной* безграничности этого вектора, *личность в своей человеческой сущности стоит в духовной иерархии выше любой, не имеющей этого вектора индивидуальности, насколько бы эта индивидуальность не была ярче, сильнее и какими бы способностями она не обладала.*

Вектор любви

Вектор, который можно было бы назвать *вектором любви,* является абсолютной вершиной (в нашем «мыслеобразе конуса» «завершается» незавершимой Тайной АБ), определяет всю бесконечную целостность Бытия. Это как раз одна из тех истин, принять и освоить которую невозможно с помощью рассудка, а только лишь ее почувствовав и пережив причастность к ней как к Тайне. С другой стороны, здесь, по-видимому, граница наших поисков философского основания понимания личности и источника ее нравственности, граница, которой может достигать рационалистическая философия, исследующая отношение «Человек–Мир», как отделившееся от отношения «Я–Ты». Поэтому, не «растворяя» философию (хотя, может быть, это следовало бы сделать) в религии – области, где я чувствую себя некомпетентным, я могу лишь очень коротко и бегло остановиться на этом вопросе. Здесь появляется сверхрациональность, связанная с безграничностью любви Бога к Человеку (и несущая в себе, как это ни покажется странным, глубокий смысл веры Д. И. Блохинцева в «благонамеренность Вселенной по отношению к человеку» [2]).

Нераздельность Человека и Бога

Размышляя сейчас об этом, мы находимся в непосредственной близости (насколько можно говорить о близости по отношению к трансцендентному) к вершине конуса органической системы, символизировавшего

для нас отношение «Человек–Мир» как основание и предмет философского размышления. Но здесь мы видим, что рациональное философское размышление превращается в «свое другое», становясь лишь одной из сторон неопределимой, «несказанной» трансцендентности, включающей в божественной любви неслиянность-нераздельность Человека и Бога.

Теперь эта вершина выступает в другой ипостаси: не только как *цель* духовного устремления человека, духовного прозрения великих мистиков, но как таинственное в своей бесконечной открытости *начало*, из которого исходит порождающая все Бытие энергийная эманация любви, связывающая весь мир в единое целесообразное и гармоничное целое (один из «законов» сверхчувственного мира в противоположность миру физическому: «сходное, однородное притягивается»). С точки зрения христианства эта бесконечная божественная эманация любви Бога к человеку (можно сказать словами А. Тойнби, «Вызов») воспламеняет в человеке ответную любовь к Богу, к другим людям и всей сотворенной жизни. Подчеркнем, что первичным здесь является движение «сверху» – от Бога к человеку: в Евангелии от Иоанна приводятся слова Христа (гл. 13): «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга».

Непостижимая Тайна божественной *любви* заключает в себе и исток жизни Человека как *хозяина земной жизни и ее хранителя*. Это *служение* Человека является и его *основой*, и его *назначением*, а тем самым и содержанием нравственности, внутренним «индикатором» и «перводвигателем» которой становится *совесть*.

И блещут радостные вехи
Во тьме холодной вновь и вновь,
И сказано о человеке:
Он есть любовь,
Он есть любовь.
    Неумолимые пределы
    Сужают четко бытие:
    Ведь даже тело, даже тело,
    Оно твое и не твое.
Земле сырой, холодным травам,
Прервав невидимую нить,
Не по своей охоте, право,
Его ты должен уступить.
    Хоть мысль твоя объемлет выси,
    Но ты кумира не твори:

Ведь даже мысли, даже мысли,
Они твои и не твои.
И, если честным быть с собою,
Как разграничишь в глубине,
Что здесь свое, а не чужое,
А не пришедшее извне?
И если без предубежденья
На тайну древнюю взглянуть,
Любовь – твое предназначенье,
Твоя единственная суть.
Ее владельцем и слугою
Себя я чувствую опять.
И лишь ее, ничто другое
Я власть имею даровать.

[Валентин Сидоров]

Истоки личности и нравственности

Вот только теперь мы добрались до истока личности, нравственности, совести. Теперь становится понятно, почему именно в первохристианстве возникает представление о личности как высшей ценности, становится понятным всемирный характер христианства, абсолютность и сверхзаконность любви, совести, сострадания и сорадования. Также становится понятной и достойной жалости (и, естественно, прощения) наивность мыслителей, ищущих основание личности и нравственности в социальности, культуре или в любых других эксплицитных (внешних) факторах жизни человека. Только через эмплицитное достигается позиция вненаходимости к Миру, позволяющая *простить* всему конечному его несовершенства и *полюбить* его, включая не только людей, но и животных, и растения, и явления природы, почувствовать свое глубокое родство со всей природой (в чем-то сходное с языческим мировосприятием), и тогда может открыться «благонамеренность Вселенной по отношению к человеку».

Благословенны будьте, травы
И воды в зелени оправ.
Виновных нет, все люди правы.
Но больше всех простивший прав.

[Игорь Северянин]

Христианская любовь – рационально невыразимая Тайна

Но при всей этой открытости и «понятности» сама любовь по-прежнему остается рационально невыразимой *Тайной*. Сострадание (и *сорадование!*), помощь, жертвенность, дружеская открытость и доверие, создающие атмосферу интимности, тепла и нежности, поло-

жительное принятие мира – основные проявления христианской любви.

Христианская любовь – не просто временное чувство, эмоция, переживание, но *постоянное состояние, свойство души человека, характеристика его бытия, отношения к жизни, к людям, ко всему миру* на высшей ступени его личностного развития. Вот как говорит о ней в Первом послании к Коринфянам апостол Павел:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею *дар* пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так, что и *могу* горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем.

Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» [1 Кор. 13: 1–10]. И «частичный человек» станет целостным – личностью.

Бесконечна литература, посвященная любви. Я не думаю, что в границах философии можно понять любовь. Для этого нужно погрузиться и в глубины религии, и не интеллектом только, но всем своим существом воспринять свою причастность к Тайне трансцендентного.

Философы о любви

Что касается философов, то большинство из них понимали любовь как утверждение существования любимого. С. Л. Рубинштейн говорил, что любимый – «самый существующий из всего существующего. <...> ...любовь есть утверждение существования другого и выявление его сущности» [5, с. 369–370]. «Любовь к другому человеку выступает как первейшая, острейшая потребность человека. <...> Радоваться самому существованию другого человека — вот выражение любви в ее исходном и самом чистом виде» [5, с. 369–370].

Н. А. Бердяев писал: «Любовь и есть не что иное, как утверждение бытия в его полноте и утверждение

бытия на вечность. Но настоящая любовь есть всегда любовь к индивидуальному и конкретному. Любить общее и отвлеченное нельзя. Любовь есть всегда любовь к личности, ви́дение этой личности в Боге и утверждение вечной жизни этой личности через излучающуюся энергию» [1, с. 166]. Не могу сейчас припомнить, чьи это слова: «Сказать человеку: “Я тебя люблю” – это значит сказать ему: “Ты будешь жить вечно”», но сказано, по-моему, прекрасно. Здесь человек выходит за границы своего бренного, земного существования и бросает вызов бесконечности, что заставляет думать, что он в действительности имеет такое право, а может быть, и обязанность. Сказал же Н. А. Бердяев, что свобода – не право человека, а его обязанность перед Богом [1, с. 311].

Охваченным любовью ко всей жизни жил У. Уитмен. С таким же чувством жил А. Швейцер, исповедовавший «благоговение перед жизнью» и собственной жизнью это преклонение осуществлявший. Я думаю, что в каждом не отчужденном от мира человеке должно жить чувство любви ко всему живому, например к животным, как к детям, и что животные способны отвечать на это чувство.

Все это, на мой взгляд, показывает, что любовь есть, говоря словами Т. де Шардена, «ткань Универсума», пронизывающая и связывающая все живое.

Первохристианство как всемирная религия любви

Именно потому *первохристианство* представляется мне высшей формой религии, что оно утверждает себя как *всемирная религия любви*.

Именно здесь основа и исток нравственности, и христианство, сделавшее любовь своим началом и основой, потому и могло объявить нравственную личность высшей ценностью.

Кстати, мне кажется, что первохристианство, будучи основанным по сравнению с другими, существовавшими с ним в то время религиями, на более глубоком Начале (на сущности более глубокого, может быть трансцендентного, порядка), включало в себя разошедшиеся впоследствии принципы Востока и Запада (связанные соответственно с АБ и ПБ).

Историческая христианская церковь, став социальным учреждением, не удержалась на этом духовном уровне, подвергнувшись всеобщей энтропии. Поэтому первоначальное христианство можно рассматривать как «проект» будущего. Возможно, это имел в виду А. Мень, когда сказал в одной из своих лекций, что настоящее христианство еще не началось.

По христианским воззрениям, Человек как личность, чтобы *быть,* не должен ничего *иметь,* кроме любви, так как это единственный способ быть *своим* в мире, тем самым делая и *Мир своим*, то есть реально иметь *всё*, осуществляя себя как универсальное существо. Идеальный пример – Христос.

Любовь «небесная» и «земная»

Из вышеприведенного описания христианского понимания любви нельзя делать вывод о ее сентиментальной слабости и мягкотелости, уступчивости и всепрощении. Любовь – это энергия и сила, сострадающая, милующая, принимающая покаяние и прощающая, но в то же время мощная и всеобъемлющая, могущая принимать бесконечно разнообразные формы и облики. Сентиментальность – всего лишь одно из ее обличий. «Сентиментально-гуманистическое развеществление человека, которое остается объектным: жалость, низшие виды любви (к детям, ко всему слабому и маленькому). Человек перестает быть вещью, но не становится личностью, то есть остается объектом, лежащим в зоне *другого*, переживаемым в чистой форме *другого*, в отделении от зоны *я*» [6, с. 322–323]. Личность, несущая в себе бесконечный «вектор любви» (и тем отличающаяся от индивидуальности), обладает внутренней тенденцией и энергией сопротивляться всему античеловеческому в жизни и нести защиту от сил зла.

Такова любовь изначальная, всеобщая, «небесная». Но ведь есть и любовь «земная», любовь к телу, его красоте, телесной нежности, ласке, теплоте, жизненной энергии. Радостное принятие телесного мира, яркость и острота переживания телесности и красоты мира (чем отличались многие языческие культы). Эта телесная сторона любви также несет энергию, сравнимую по мощи с вышеописанной ее духовной стороной.

Возможность слияния любви «небесной» и «земной»

В *эстетическом* отношении к миру, мне кажется, возможно гармоническое слияние любви «небесной» и любви «земной» («Афродиты небесной» и «Афродиты простонародной»). Но здесь таится и опасность. Дело в том, что в своем «чистом» виде *эстетическое* отношение (как и «чистое искусство») *не несет* в себе *нравственный* вектор. Можно восхищаться разрушительными, несущими смерть и страдание силами природы, красотой зла, испытывать наслаждение от зрелища пыток и жертвоприношений, требовать, чтобы гладиаторы на арене умирали красиво, и т. п. Искусство может обладать вектором и демоническим, и нести экстаз (выхождение) без катарсиса (очищения).

Отвержение язычества

Возвращаясь к проблеме телесной, чувственной любви, я должен сказать (как и многие философы, поэты, писатели, историки), что, продолжая в течение веков признавать только Афродиту небесную и полностью отвергать Афродиту простонародную, историческая христианская церковь совершила громадную ошибку. Во время своего появления, выполняя свою историческую задачу обращения погрязшего в кровно-родственных и природно-телесных отношениях, энергиях и связях человечества к его собственно человеческой духовно-царственной миссии в мире, оно отвергло и осудило *всё язычество целиком* со всем, что было с ним связано. Это был «удар топором». И в то историческое время, вероятно, только так и можно было поступить.

Христианская церковь фанатично противостояла языческим ценностям

Но, утвердив свое господство, христианская церковь продолжала бороться по-прежнему со *всеми* проявлениями глубокой языческой культуры, не различая в ней положительных и отрицательных сторон, вызывая излишнюю остроту и фанатичность противодействия себе. Вместо выявления того, что, например, в античном искусстве несло на себе печать духа и могло быть «наполнено» христианским смыслом, как правило, уничтожалось почти всё подряд. Даже сама красота, пластичность, мощь или изящная гибкость и тонкость прекрасного человеческого тела (почитавшаяся у древних греков добродетелью) объявлялась порождением греха. Конечно, жестокость, человеческие жертвоприношения, совершаемые с особым искусством причинения наибольшего мучения жертвам, и многое другое в некоторых языческих культах не могли быть терпимы христианством как религией любви и милосердия. Но вместе с отвержением этих сторон язычества были утеряны свойственные языческому миру глубокие знания природы, чувства родства с ней, магия, навыки обращения с природными энергиями и умение жить в согласии с природой. (Что касается человекоубийства, то историческая христианская церковь с помощью религиозных войн, крестовых походов и инквизиции вскоре заполнила этот «пробел» в своем историческом бытии.)

Борьба христианской церкви с телесными формами бытия расколола основу христианства – любовь

Эта борьба исторической христианской церкви с телесными, «земными» формами бытия расколола и саму основу христианства – любовь. Вместо установления иерархической гармонии и «пропитывания» телесной, чувственной любви высшими эманациями духа (нужно сделать тело прозрачным для духа, считал Рудольф Штейнер) телесная любовь была объявлена грехом и допущена в основном в качестве средства био-

логического размножения. Это вызвало продолжающуюся столетиями полемику.

Непростительная ошибка церкви

Многие крупные мыслители считали это непростительной ошибкой церкви, за которую христианская цивилизация расплачивается до сих пор, и чем дальше, тем страшнее. Н. А. Бердяев писал: «Поразителен низкий уровень *всего* (выделено мною. – *А.А.*), что написано в литературе святоотеческой, у христианских теологов о браке и семье. <...> В сущности трактаты о поле и браке Бл. Августина и других суть трактаты по организации родовой жизни и очень напоминают трактаты по скотоводству» [1, с.251]. «Но этика, основанная на сознании достоинства личности и духа, должна признать безнравственным соединение мужчины и женщины, поставившее себе исключительной целью продолжение рода, деторождение. Это есть перенесение принципа скотоводства на человеческие отношения. Цель и смысл соединения мужчины и женщины лежит не в роде и не в обществе, а в личности, в ее стремлении к полноте и к цельности жизни, к вечности. Уже психологически должно быть признано несостоятельным учение, которое видит цель и смысл брачного полового союза в деторождении и продолжении рода» [1, с. 258–259].

Интерес к язычеству

В конце XIX – начале XX в. возникает глубокий интерес к язычеству. Многие русские философы стали усматривать в язычестве, во многих языческих высокоразвитых культурах, их сюжетах, идеях и мифах предварение христианства, а в древнейших дописьменных – их глубокую гармонию с жизнью природы. И опять этот интерес наиболее сильно проявился в русской культуре. Эта телесная, природная, свойственная язычеству сторона жизни и любви человека занимала значительное место и вызывала у многих представителей русской культуры острый, глубокий интерес, возможно, также связанный с максимализмом русского характера, его стихийной широтой страстей и неспособностью к компромиссам как в практической, так и в духовной жизни. Для русского человека отношение духа и плоти переживалось драматически и бескомпромиссно.

Однако официальная русская православная церковь не считала соответствующие идеи русских мыслителей ортодоксально-христианскими.

Таким образом, приходится признать, что, с одной стороны, историческая христианская церковь призывала Человека к любви как его духовному истоку, а с другой – способствовала его отчуждению от самого себя и Мира, растерзав, располюсовав любовь, сделав ее

нецелостной, неосуществимой, трагичной в мире наличного бытия.

Что касается сегодняшнего дня, то мир рыночной экономики, являясь принципиально антихристианским и античеловеческим, так же противостоит и человеческой любви, превращая ее в товар.

Размышления о смерти и личностное развитие

Переходя теперь к внутренне глубоко связанной с темой любви – теме смерти, я также, к сожалению, должен ограничиться лишь краткими замечаниями, ибо тема принадлежит гораздо более религии, чем философии. И вместе с тем не может быть исключена из темы развития личности, ибо является серьезнейшим завершающим этапом этого развития, связанным, может быть, с наиболее глубокой рефлексией, самопогружением к своему внутреннейшему началу: «Все мы движемся к началу своему» (А. Пушкин). Смерть также остается Тайной. Единственно, в чем я убежден, это то, что после смерти физического тела душа продолжает существовать. Имеется большое количество различной литературы о посмертном существовании души – от египетской и тибетской книг мертвых и оккультных сочинений до соответствующей христианской литературы и экспериментов и отчетов об общении живых с душами умерших и т. д. Можно было бы усмотреть и здесь некоторую конвергенцию представлений, но мне это пока представляется излишним.

Моменты глубокого размышления о собственной смерти, чувствования ее имеют для личностного развития громадное самовоспитательное, очищающее значение. Стоит нашему современнику глубоко задуматься о собственной смерти и не менее (как мне кажется) восьмидесяти процентов его забот, дел, тревог и помышлений предстанут перед ним как лишние, мелкие, не стоящие внимания и сил, как сор, замусоривающий его душу. И на первое место выйдут действительно глубокие вопросы его личностного бытия. Возможно, именно поэтому в христианстве есть молитва, просящая Бога дать молящемуся память смертную.

Терминальный переход между жизнью и смертью

Терминальный переход между жизнью и смертью часто сопровождается необычными явлениями. Например, некоторые психически тяжелобольные люди, долгое время не говорившие и не узнававшие окружающих, в этот момент неожиданно испытывают возвращение нормального сознания; иногда умирающие оповещают о своей кончине близких людей, являясь им в виде теней и призраков, и т. п.

У многих народов для понимания прожитой человеком жизни и его собственной сущности считались очень

важными и многозначительными слова, произнесенные им непосредственно пред смертью. Историк Арон Яковлевич Гуревич сравнивал в этом отношении средневековых скандинавов и наших современников. Он обращал внимание на то, как пренебрежительно мало говорят о самом моменте смерти наши современники, а если и говорят, то чаще всего о дележе наследства. Это тоже один из характерных симптомов господства вещного отчуждения.

4. Практическое применение изложенной концепции личности

4.1. Полемика о творческом пути С.Л. Рубинштейна

Полемика о творческом пути С. Л. Рубинштейна

С. Л. Рубинштейн (1889–1960) – известный советский философ и психолог, творческая судьба которого становится понятной, если учесть, что с ним произошел рассмотренный выше «фазовый переход», радикально изменивший его мировоззрение и понимание им философии и психологии. Это было для меня очевидно с момента прочтения в 1974 году опубликованной (с купюрами) его работы «Человек и мир» [7, с. 136 – 149]. С этого времени и началась моя полемика с учениками С. Л. Рубинштейна, не желающими признавать и даже замечать этот переворот, несмотря на то что в многочисленных лекциях, докладах, выступлениях я пытался показать, что это единственное направление в нашей психологии, несущее надежду на выход из тупика, в котором она находится. В 1987 году я написал об этом статью, которая пролежала в редакции журнала «Вопросы философии» шесть лет и была опубликована лишь в 1993 году [8, с. 130–160].

Не получив на нее никаких откликов, я написал в 1997 году вторую статью под заглавием «Десять лет спустя. О творческой судьбе С. Л. Рубинштейна» [9]. Замечания на неё написали К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский, считающие себя развивающими в нашей психологии «школу Рубинштейна». Мой ответ на эти «Замечания» был опубликован в журнале «Развитие личности» [10, с. 21–32].

Революция, совершенная С.Л. Рубинштейном в себе и в понимании оснований психологии

Скажу сразу, что считаю работу «Человек и мир» революционной не только в советской психологии, но в значительной степени и в философии. Эта работа, заключающая радикальное революционное переосмысление основ психологии (и философии), осталась почти незамеченной, и если изредка и цитировалась, то без пони-

мания того, что она фактически взрывает позиции психологов и философов, ее цитирующих.

Со времени моего знакомства в 1974 году с работой «Человек и мир» прошло почти пятнадцать лет. Успела в 1979 году, также посмертно, выйти в свет великолепная книга М. М. Бахтина «Эстетика словесного творчества», из которой я увидел, что с 20-х годов М. М. Бахтин глубоко и интересно работал в той же области целостного отношения Человека и Мира, в которую вышел и С. Л. Рубинштейн в «Человеке и мире». Книга М. М. Бахтина представляется мне наиболее глубоким исследованием из опубликованных советскими философами и психологами (и сделал это филолог!). Многие мысли этой книги оказываются близкими и даже совпадающими с идеями работы «Человек и мир». За эти годы изменилось, конечно, и мое понимание этой работы, но общая оценка ее, высказанная выше, остается прежней. Остается прежним ощущение глубины и мужества мысли, ломающей догмы, в борьбе с собой открывающей новые пути и возможности.

Попробую коротко рассказать, как я вижу революцию, совершенную С. Л. Рубинштейном в себе самом и в понимании оснований психологии.

О смене исходного теоретического основания у С.Л. Рубинштейна

В 1957 году публикуется книга С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание». По замыслу, это некоторый теоретический итог его размышлений над проблемами психологии и философии. Идет также работа над книгой «Принципы и пути развития психологии», о которой автор сообщает: «Главная цель этой книги – популяризация основных положений, к которым я пришел в результате предшествующих работ» [11, с. 4]. Таким образом, и эта книга – итог, завершение, придание результатам общедоступной формы. Между тем уже в 1955 году Сергей Леонидович работает над книгой «Человек и мир», которая начинается с тотальной критики *еще не опубликованной* работы «Бытие и сознание»: «Проблема бытия и сознания, обозначенная в заглавии книги, в целом не была там охвачена. Мало того: основной результат нашего исследования проблемы психического в «Бытии и сознании» показал, что сама постановка вопроса, заключенная в заглавии нашей книги, не может быть окончательной» [12, с. 253].

Почему автор не внес изменения в тексты подготавливаемых книг, хотя их недостатки были ему уже ясны, а предпочел их издать, чтобы затем в новой *(в то время уже писавшейся)* работе подвергнуть критике? Присмотримся к этой критике более внимательно. «Бытие и

сознание»: «Психическая деятельность является функцией мозга, потому что сама деятельность мозга есть деятельность рефлекторная, обусловленная воздействием внешнего мира»; «... психические явления определяются в самом своем возникновении воздействием вещей, отражением которых они в силу этого являются» [13, с. 5]. Это основное кредо автора в дальнейшем разрабатывается, многократно в разных формах воспроизводится, становится основанием критики различных психологических теорий. Ничего принципиально нового для научной психологии, на мой взгляд, здесь нет. Мы находимся в границах отношения «Субъект–Объект» в его абстрактно-материалистической модификации (первичность бытия – вторичность сознания).

Вопрос о месте человека в мире, в жизни

Вернемся к началу работы «Человек и мир»: «За проблемой бытия и сознания встает другая, как *исходная и более фундаментальная* (выделено мною. – *А.А.*) – о месте уже не психического, не сознания только как такового во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни. Этой проблеме всех проблем и посвящена настоящая книга» [12, с. 253]. Этими словами заканчивается краткое обращение «От автора», помещенное в начале работы.

Выход за пределы

Итак, речь идет не о критике тех или других выводов книги «Бытие и сознание» (а она – итог всей предыдущей работы!), а о смене исходного теоретического основания на более глубокое и фундаментальное. И автор приходит к необходимости этой смены в то время, когда он завершает и обобщает то, что можно получить, исходя из старого основания. И это – нормальный ход диалектического развития мысли, где каждый существенно новый этап начинается с критического переосмысления предыдущего этапа в момент его завершения, готовности замкнуться в самостоятельное целое (но этот «нормальный ход» мало кому доступен, так как несовместим с самоутверждением – внутренним и внешним – посредством уже достигнутого. Не каждый может, особенно в наше время – время утери смысла жизни и стремления урвать в своем наличном бытии кусок пожирнее, так решительно переступить через то, что уже в жизни сделано. Тем более не каждый способен в конце жизни к переделке собственного мышления, к тому, чтобы начать все с начала). В этот момент обнаруживается абстрактность и односторонность старого основания, выход из которого состоит в пересмотре этого основания, трансцендировании за его пределы и погружении в основание более глубокое, по сравнению с кото-

рым предыдущее выглядит как одно из следствий, сторона, абстракция и частный случай. Так происходит движение от абстрактного к конкретному [14].

Соотношение человека и бытия является первичным

Отношение «Сознание–Бытие» (или «Субъект–Объект») в сравнении с более глубоким отношением «Человек–Мир», к которому пришел С. Л. Рубинштейн, оказывается вторичным, производным: «Само это соотношение (сознания и бытия. – *А.А.*) является не исходным, а вторичным. Исходным является соотношение человека и бытия» [12, с. 256].

Новое основание является фундаментом нового понимания (видения) изучаемой области (как правило, по существенным параметрам противоположного старому). В процессе его рациональной разработки порождается новый строй категорий и понятий, внутри которого переосмысляются, получают новое содержание категории старого строя как диалектически снятые, вторичные. Именно поэтому невозможно внести исправления в теоретическую работу, построенную на старом основании. Она замкнута в своей логике и как целое сохраняет свое ограниченное значение в ограниченной же области. И эта ее односторонность и ограниченность видны из нового основания совершенно определенно. Ее нельзя (и не нужно!) исправлять, а можно лишь подвергнуть диалектическому «снятию», оставить позади как пройденный этап, который займет место одного из следствий, одной из сторон нового основания.

Из отношения «Сознание – Бытие» нельзя понять человека

С. Л. Рубинштейн увидел, что из отношения «Сознание–Бытие» нельзя понять человека, ибо он не на стороне сознания (как его ранее помещали туда под названием «субъект») и не на стороне бытия (понятого как «объект»). Человек как субъект – абстракция, где он представлен лишь частично через свое сознание. И это сознание, даже облеченное в «плоть» обладающего деятельностью субъекта, не спасает положения. Тогда бытие, природа предстает как объект деятельности субъекта. Психика как целое, «Я», личность оказываются за бортом этого абстрактного отношения. Система субъект-объектных отношений как основание новоевропейского рационализма впервые четко была осмыслена Р. Декартом. Для целостного Человека, личности, личностного «Я», всего бесконечно многообразного психического мира в такой системе, и в частности в научной картине мира (научном мировоззрении), просто нет места. И С. Л. Рубинштейн это фиксирует совершенно точно: «Идущая от Декарта точка зрения также рассматривает бытие только как вещи, как объекты познания,

как «объективную реальность». Категория бытия сводится только к материальности. <...> В мире, «конституирующем», определяющем эти системы категорий, существуют только вещи и не существует людей. <...>

Из учения о бытии выпадает человек

Из учения о категориях, в том числе даже из учения о действительности, бытии, выпадает человек. Он, очевидно, идет только по ведомству исторического материализма – как носитель общественных отношений, как человек – он нигде, разве что в качестве субъекта он есть тот, для которого все есть объект и только объект... <...> ...бытие человека, способ его общественного бытия, история – деонтологизируются, выключаются из бытия в силу равенства: бытие = природа = материя» [12, с. 275–276]. Эта же мысль, и во многом в тех же словах, повторяется несколько раз. Например: «Если при рассмотрении состава сущего происходит сведение сущего к «объективной реальности», в бытии остаются только вещи и только объекты; категория бытия как субстанции сводится к материальности, бытие – к материи. При таком сведении происходит выключение из бытия «субъектов» – людей. <...> Бытие выступает при этом только как физическая природа, как движущаяся материя (“мир” Декарта)» [12, с. 273].

С.Л. Рубинштейн повторял идею о выключении из бытия «субъектов» – людей

Конечно, повторение этой мысли несколько раз, в тех же самых словах можно отнести за счет того, что работа не закончена и представляет собой лишь черновой набросок, но этим, скорее, можно объяснить именно одинаковость слов и формулировок, но не многократность повторения самой идеи. Я думаю (и, мне кажется, это ясно из контекста работы), что многократное возвращение к этой мысли, ее подчеркивание показывают ее важность и новизну для автора. Она явилась его личным открытием, то есть открытием не в том смысле, что до него это было неизвестно. В течение многих лет эта идея утверждалась крупнейшими представителями мировой культуры, как гуманитариями, так и естественниками. Просто у С. Л. Рубинштейна произошел переворот в *его собственном* сознании и он *увидел* ее истинность, она его захватила эмоционально.

Отношение «Человек – Мир» развивает новый строй мышления

С позиций нового основания – отношения «Человек – Мир» – должен быть развит новый строй мышления, где на первое место выходят не гносеологические (и, соответственно, не технологические) , а онтологические (бытийные) категории: «Характеристика человеческого бытия предполагает, что должна быть дана и новая характеристика всего бытия с того момента, как появляется человеческое бытие» [12, с. 325]. «Надо вве-

сти человека в сферу, в круг бытия и соответственно этому определить систему категорий» [12, с. 292].

Нельзя говорить о бытии, исключающем человека

И человек, в определенном смысле слова, оказывается эквивалентен (единосущ, причастен) всему бытию. Нельзя говорить о бытии, исключающем человека (как это делает наука). Наоборот, *Человек* есть то *Начало*, через понимание которого может быть понято *все бытие*: «Определение природы и других способов существования (например, мира) может быть понято только через человека» [12, с. 325]. «Соответственно со становлением человека как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все ниже лежащие уровни или слои…» [12, с. 327]. «Человек должен быть рассмотрен как объективно существующий, отношениями к которому определяются объективные свойства того, что с ним соотносится. <…> Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. <…> Вселенная с появлением человека – это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека. <…> Сама осознанная или осмысленная Вселенная, измененная или *могущая быть измененной действиями в ней человека, есть объективный факт*. <…> Таким образом, осознанность и деятельность выступают как новые способы существования в самой Вселенной, а не чуждая ей субъективность моего сознания (выделено мною. Отсюда следует упомянутая выше «центральность» положения Человека в Мире. – *А.А.*)» [12, с. 370].

Новая система детерминации

Итак, вся система детерминации переворачивается. Не Человек должен быть понят через Мир, но Мир через Человека. Соответственно меняются порядок и детерминация психологических понятий. Можно было бы привести множество примеров этого в работе «Человек и мир». Приведу лишь один: в научной психологии, в том числе практически во всей советской, человеческие потребности принято разделять на первичные, куда относятся, в частности, все физиологические, и вторичные, надстраивающиеся над первичными, например все духовные. В работе «Человек и мир» отношение обратное. Например: «*Любовь* к другому человеку выступает как *первейшая*, *острейшая* потребность человека» (выделено мною. – *А.А.*) [12, с. 370]. При этом любовь здесь понимается отнюдь не в физиологическом смысле и не как влечение полов: «Любовь есть утверждение существования другого и выявление его сущности» [12, с. 369].

Есть три, с моей точки зрения, наиболее важных момента, связанных с этим прорывом из отношения

«Субъект–Объект (сознание – бытие)» в область отношения «Человек–Мир». Это – бесконечность, непосредственность и проблема рационализации. Два из них попытаюсь кратко изложить.

Бесконечность, постигаемая созерцанием

«Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая все бытие. Это капитальный факт в структуре сущего (то есть не Человека только, но и Мира. – *А.А.*), в его общей характеристике: осознающий значит как-то *охватывающий все бытие*, *созерцанием* его постигающий, в него проникающий, *часть, охватывающая целое*» [13, с. 338–339]. «...приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание – *созерцание*. Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть *непосредственно* данная *завершенность* в себе» [13, с. 338–339] (выделено мною. – *А.А.*).

Бесконечность и одновременно завершенность – характеристика актуальной бесконечности. Остается добавить, что созерцание в данном случае не может быть только эстетическим. Эстетическое отношение – лишь одна из сторон, которая может быть выделена из него. Оно содержит также и нравственное отношение, и отношение любви, и отношение сыновства, и отношение благоговения и преклонения. Все эти отношения объединены (вернее, не разделены) в религиозном отношении как созерцании Тайны.

Сущностное отношение к Миру формировало в онтогенезе самого человека

Такое отношение к Миру, по-видимому, было формирующим самого Человека и его психику в антропогенезе. Оно же *должно быть* (хотя сознание этого в значительной степени утрачено современным человеком, что влечет для него катастрофические последствия) ведущим и в онтогенезе, а потому составлять основу систем воспитания. О нем как формирующем личность говорили выдающиеся мыслители на протяжении всей известной нам истории. Можно было бы привести десятки широко известных имен наших современников, высказывавшихся в этом плане. Я приведу здесь Д. И. Блохинцева, взятые из его рукописи «Свет из Калуги»: «С юных лет ощущение и сознание того, что мы, люди, являемся частью Вселенной, частью ее Красоты и Тайны, – мировосприятие, которым я обязан К. Э. Циолковскому, не покидало меня»; «Но ощущение нашего родства со *всей* Вселенной, вера в ее *одухотворенность и благонамеренность* по отношению к человеку, преклонение перед ее гармонией и красотой всегда было и будет ничем не заменимым душевным богатством людей» (выделено мною. – *А. А.*) [15].

Аналогии с актуальной и потенциальной бесконечностью

С. Л. Рубинштейн не называл бесконечность человека актуальной бесконечностью, но многократно возвращался к ее описанию различными способами. Например: «Человек, как говорилось, есть часть бытия, конечное сущее, которое является зеркалом Вселенной, всего бытия; он – реальность, в которой представлено идеально то, что находится за пределами этой конечности» [12, с. 341–342]. Обратим внимание на то, что здесь человек предстает как существо противоречивое: бесконечное (в нем представлено все бытие, за пределами конечности) и одновременно конечное («конечное сущее»). Это противоречие может существовать, может быть реализовано в наличном бытии лишь в форме разворачивающегося во времени, трансцендирующего, переходящего свои границы особенного, то есть в форме потенциальной бесконечности.

Отрицается наличное бытие человека, его завершенность

И это трансцендирование также отмечено С. Л. Рубинштейном: «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, как думают экзистенциалисты (не все. – *А.А.*), это – ее становление и вместе с тем реализация... Отрицается только мое наличное бытие, моя завершенность, конечность» [12, с. 341–342].

Актуальная бесконечность человека реализуется в наличном бытии

Актуальная бесконечность человека реализуется в наличном бытии в форме трансцендирования, то есть потенциальной бесконечности (что делает наличное бытие раскрытым в будущее, полем творчества). Она имеет базой непосредственную связь человека (именно *индивида*!) с миром как целым (*бесконечным*!), что является основанием целостности самого индивида (как личности. В индивиде как частичном человеке она остается нереализованной или реализуется лишь частично, односторонне). Отсюда можно сделать предположение (оно подтверждается в непосредственном опыте) о существовании заключенной в индивиде бесконечной способности (энергии, силе и т. д.) трансцендирования, перехода всех конечных границ во внешнем мире и в себе. Причем чем глубже рефлексия, то есть сознание более глубоких слоев психики, внутреннего «Я» (вплоть до кантовского интеллигибельного «Я»), тем более расширенным оказывается трансцендирование, выход за границы наличного бытия, осознание своего единства с Миром как целым.

Основная проблема антропогенеза

Бесконечность, универсальность, потенциально заключенная в человеке, отличающая его от животного

(которое всегда видоспецифично), есть основная проблема антропогенеза и его Тайна. Бесконечность «просвечивает» (*должна просвечивать*! Иначе мы имеем дело с социальной или индивидуальной патологией) во всех формах отношения Человека к Миру, составляя внутреннее содержание личностного развития, трансцендирования. Например, христианство предписывало относиться к каждому человеку как к образу и подобию божьему, пусть искаженному, поруганному, но потенциально могущему быть проявленным, и мое отношение к нему должно способствовать этому проявлению.

Личностное развитие как реализация потенциальной универсальности

Личностное развитие может быть понято как реализация индивидом своей потенциальной универсальности, бесконечности, как становление Человека в индивиде. Можно было бы указать десятки крупнейших мыслителей, так понимавших личность. Например, при всем их различии сходятся в этом Л. Фейербах, К. Маркс, Н. Бердяев, М. Бахтин, К. Домбровский, К. Роджерс (и вся гуманистическая психология) и многие другие. В качестве примера сошлюсь здесь на теорию развития личности К. Домбровского, которую автор назвал «Теорией позитивной дезинтеграции». Смысл названия состоит в следующем. Вначале индивид интегрирует себя в исходных конечных определенностях: наследственных особенностях, особенностях индивидуального и социального окружения и т. п. Однако «человек приговорен к развитию», к преодолению этой конечности. Поэтому в процессе нормального личностного развития происходит дезинтеграция, разрушение этих определенностей. К. Домбровский анализирует этапы этой дезинтеграции и показывает, что она сопровождается острыми внутренними конфликтами, отрицанием своего эмпирического «Я», неврозами и т. п., но в целом является позитивной, определяющей развитие личности. На определенном этапе этого развития становится возможной «вторичная интеграция». Процесс в целом незавершим, бесконечен.

Личностное развитие как становление Человека в индивиде

Понимание личностного развития как становления Человека в индивиде, как универсализации его отношений к Миру означает также понимание того, что всеобщность, универсальность могут реализоваться в индивиде, но не в социуме. Социальные формы (государство, класс, партия, профессиональные и любые другие конечные формы общности) всегда носят групповой характер и противостоят всеобщему. Всеобщее может нести в себе либо индивид как личность (в актуальной форме), либо род как человечество в его бесконечном

развитии (в потенциальной форме). В эквивалентном отношении «Человек – Мир» Человек представлен личностью, а не социальностью. На этом, в частности, базируется теория социальных революций К. Маркса. Это ясно сознавалось многими людьми творческого плана, не только философами, но и поэтами, писателями, филологами и т. д. Вот отношение к тому же вопросу А. П. Чехова в изложении А. П. Чудакова: «Общие взгляды, общая доктрина, объединяющая группы людей, не несут в себе, по Чехову, зерна исторического прогресса. Такое зерно заключает в себе лишь отдельная личность, свободная от догм своего клана» [16, с. 265–266].

Приоритет коллектива над индивидом

Считающие себя марксистскими, советская педагогика и психология, утверждая приоритет коллектива над индивидом или пытаясь вывести личность и ее свойства (например, нравственность) из социальности, следует фактически не К. Марксу, а Г. Гегелю. (Правда, от такого следования сам Гегель в ужасе открестился бы.) И здесь также С. Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» оказывается за пределами этой плоской тупиковой концепции: «Отсюда выясняется значение понятия личной жизни человека. Личная жизнь человека в таком понимании – это самое богатое, самое конкретное, включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений (в том числе и отношение к человеку как носителю той или иной общественной функции или как природному существу и т.д.). В своей конкретности она содержательнее, чем каждая из тех абстракций, которую из нее можно извлечь» [12, с. 345]. «Не каждый человек есть средство для счастья общества, а деятельность общества является средством, целью которого является благо каждого индивида...» [12, с. 359–360]. Человек вообще не может быть средством для чего бы то ни было: «Основным нарушением этической, нравственной жизни применительно к человеку в условиях общества является использование его в качестве средства для достижения какой-либо цели» [12, с. 359–360]. Нужно ли здесь говорить, что практически все советские педагогические сочинения безнравственны? И, наконец, подводя итоги, в «Заключении» работы «Человек и мир»: «Разбирая в онтологическом плане проблему существования, мы пришли к определению преимущества индивида как, во-первых, единичного и потому реального, которое существует само по себе, и, во-вторых, неповторимого, и в этом состоит незаменимая ценность индивида» [12, с. 380].

Непосредственность

Отношение «Человек – Мир», будучи всеобщим, универсальным, захватывает *всего* человека. Человек участвует в нем как целостный. В него включено не только (и даже не столько, как говорилось выше) его рациональное мышление, но вся его психика как целое (и только здесь она выступает как целое, а потому только здесь можно понять, что она такое, что такое психическое), весь строй его эмоций (включая эстетические, нравственные, любовь к миру, жизни, людям, религиозное благоговение и т. д.), все глубочайшие «этажи» его «Я».

И вот там, в глубине, он ощущает (именно ощущает, *непосредственно* воспринимает как Тайну себя и Мира, а не рационально выводит) свою трансцендентность наличному бытию и свою сопричастность Миру как целому. Эта трансцендентность дана ему не в форме логического опосредования, вывода, а в форме непосредственного восприятия, минующего все внешне обусловленные конечные определенности (в том числе социальные). Именно так, через эту трансцендентность происходит собственно человеческое, нравственное личностное общение. Общаются не социальные маски, чины, звания, должности, знания и т. п., а именно личностные «Я» как таковые. Здесь можно напомнить М. М. Бахтина: «Исключительно острое ощущение другого человека как *другого* и своего *я* как голого *я* предполагает, что все те определения, которые облекают *я* и *другого* в социально-конкретную плоть, – семейные, сословные, классовые – и все разновидности этих определений утратили свою формообразующую силу. Человек как бы непосредственно ощущает себя в мире как целом, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы. И общение этого *я* с другим и другими происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы» [6, с. 186].

Роль непосредственных форм восприятия

Необходимо подчеркнуть громадную роль непосредственных (рационально не опосредованных) форм восприятия, чувственности, ощущения, созерцания своего бытия в Мире. «Воспринять – значит, по существу, онтологизироваться, включиться в процесс взаимодействия с существующей реальностью, стать причастным ей» [12, с. 281]. Эта непосредственность в значительной степени утрачена современным человеком, растекшемся в телесно-вещном, «горизонтальном» измерении Мира. В этом одна из глубоких причин патологического развития психики (от неспособности любить мир и людей до терроризма и наркомании). Эта непосредствен-

ность остается необходимой основой собственно человеческого бытия. С. Л. Рубинштейн много пишет об этом: «В составе познания логический анализ обнаруживает под покровом понятий «окна», открытые в чувственно данную реальность...» [12, с. 310–312]. «Приоритет чувственности перед мышлением – это и есть приоритет существования перед сущностью» [12, с. 310–312]. «В форме *непосредственного* всегда заключаются не только результаты опосредствованного познания, но и бесконечно выходящее за ее пределы (*трансцендентное*), данное *не эксплицитно, а только имплицитно*» (выделено мною. – *А.А.*) [12, с. 320].

Трансцендентное внутренне присуще человеку

Последнее высказывание особенно важно. Трансцендентное дано не явно, не внешним образом, а внутренне присуще человеку. Именно поэтому возможно существование внутри человека того, что «соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации». Поскольку в данном случае ситуация может быть любой, единственная ее характеристика – принадлежность конечному наличному бытию, выход за ее пределы есть выход в область, трансцендентную наличному бытию как таковому. Это, в свою очередь, означает, что эта область не может определяться наличным бытием и, следовательно, психика не может быть «отражением объективной действительности». Это значит, что объективная действительность лишь проявляет некий спектр конечных форм (например, набор тех или иных способностей в зависимости от культурно-исторических условий) из бесконечно-неопределенного потенциального запаса индивида. Наличие этого запаса констатировалось мыслителями в течение тысячелетий. Источник его оставался и остается проблемой для научно-материалистического мышления крайне неудобной. В философии мы встречаем множество размышлений на эту тему. Здесь и врожденные идеи Платона, и третий вид познания Б. Спинозы, и априоризм И. Канта, и множество концепций интуитивного знания и др. Многие творцы нового, в том числе и в науке, сталкивались с этой способностью человека и размышляли над ней. Большинство примеров этого общеизвестно.

Непосредственное восприятие Человеком своего взаимоотношения с Миром

Непосредственное восприятие Человеком своего взаимоотношения с Миром является свойством индивида, индивидуального «Я», индивидуального сознания. Оно может обладать всеобщностью, безмерностью, способностью в любой момент выходить в область актуальной бесконечности, отбрасывая как несущественные все определенности наличного бытия (в том числе социаль-

ные, что особо следует подчеркнуть для советских психологов и педагогов).

Важность созерцания мощи и красоты Мира

Движение в этом направлении связано с рефлексией, с глубокой интроспекцией. Большая роль в этом принадлежит созерцанию. Внешняя деятельность непосредственно связана с трансцендированием и есть в той или другой степени проявление потенциальной бесконечности человека. Степень эта зависит от того, насколько в процесс вовлечена и осознана актуальная бесконечность. В противном случае деятельность обречена на вырождение в технологию, становится «дурной бесконечностью», обрекающей человека на экстенсивное растекание «по горизонтали» (в плоскости вещного измерения Мира и Человека), на разрушение себя и окружающей природы. В этом случае она не может нести в себе «вертикаль» (интенсивно-духовное измерение Мира и Человека).

Опасность утрирования роли деятельности

Важность созерцания в этом смысле подчеркивается многократно в работе «Человек и мир»: «...должна быть указана опасность утрирования роли деятельности, которое свойственно бихевиоризму и прагматизму (и всей современной научной психологии. – *А.А.*)» А вот еще: «Такому прагматическому изничтожению действительности (имеется в виду выше указанное утрирование деятельности – «деятельностный подход». – *А.А.*) нужно противопоставить другое соотношение человека и бытия – приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание – созерцание. Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосредственно данная завершенность в себе. Совершенство явления, увековеченное в своем непосредственном чувственном бытии, – это и есть эстетическое как первичный пласт души. Прекрасное в природе как выступающее по отношению к человеку и чувство к нему как некая предпосылка затем формирующегося эстетического – таково содержание человеческого созерцательного отношения к миру» [12, с. 338–340]. Отметим, что, по С. Л. Рубинштейну, *созерцание – первичный пласт души*. Далее говорится об активности созерцания: «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию. Природа – не только объект созерцания, но она и не только продукт истории человечества, не только материал или полуфабрикат производственной деятельности людей» [12, с. 338–340]. Я прошу читателя обратить внимание на язык этой цитаты.

Созерцание – первичный пласт души

Вот еще более яркие примеры: «Внутреннее содержание человека включает все его богатство отношений к миру в его бесконечности – познавательное, эстетическое, отношение к жизни и смерти, к страданиям, к опасности, радости» [12, с. 344].

Как уже говорилось, в онтологии человека наличие не только действенного, но и познавательного, созерцательного отношения к миру составляет важнейшую характеристику человека. «При рассмотрении отношения человека к человеку должна быть сохранена эта сторона его отношения к миру, которая и дает возможность понять и другую сторону отношения человека к человеку как к части – одухотворенной части – природы, как к красоте, к существу определенной архитектоники, гаммы чувств, пластики и музыки, позы и движений, мимики и пантомимики, взора, тембра голоса и мелодии речи и т. д.»; «Эти связи с природой должны жить как *«подоплека» всего остального в его чувствах, его сознании, в его отношении ко всему на свете»* (выделено мною. – *А.А.* Я также прошу читателя заметить, что отношение к миру дает возможность понять отношение к человеку.). «Природа как стихийная сила, гроза, рокот моря, буря, природа как распускающиеся почки, цветение жизни, весна, нежность и тепло жизни, дети, связи родства, любовь к ребенку, женщине, к семье, к своим близким, любовь к ближнему в ее исходных формах – так по-разному выступает природа для человека» [12, с. 344]

В красоте происходит обратное отражение

«В красоте, в очаровании человека красотой – красотой природы, красотой человека, красотой женщины – происходит обратное отражение и просвечивание в непосредственно данном, чувственном всего того важнейшего, что человек может выявить в мире и в другом человеке, *выходя мыслью за его пределы»;* «Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, от игры ее стихийных сил, не способный соотнести себя с ними, не способный перед лицом этих сил найти свое место и утвердить свое человеческое достоинство, – это маленький человек» (выделено мною. – *А.А.*) [12, с. 374].

Смысл человеческой жизни

И последние строки работы: «Смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» [12, с. 381].

Отношение «Человек–Мир» захватывает всю психику в целом

Я привел эти обширные цитаты, чтобы показать, что их язык, тон, внутренняя энергия утверждения выходят далеко за пределы строго научного, рассудочно-категориального стиля изложения. Здесь включаются эстетические и нравственные чувства автора. Язык становится образным, нагруженным глубоким (*безмерным!)* внутренним смыслом, для выражения которого понятийно-логические средства явно недостаточны. И происходит это потому, что отношение «Человек – Мир» целостно. Оно захватывает всю психику в целом, а не только мышление. Человек поражен созерцанием бесконечности в Мире и в себе, чувство причастности к ней воспринимается им как самое глубокое, интимное, как своя собственная трансцендентная сущность и одновременно сущность и основа всего. Представление об этом может дать выражение: «Бог во мне глубже, чем я сам». Это чувство свободы, радости, любви, благоговения (трудно перечислить все его «параметры» и оттенки, тем более что в нем они не разделены) представляется мне основанием антропогенеза и истоком религии. Оно же должно быть основой («подоплекой», как выражался С. Л. Рубинштейн) всего в онтогенезе, в личностном развитии индивида.

Это непосредственное целостное отношение трудно выразить в рациональных понятиях, но его наличие есть свидетельство выхода индивида, его чувств и мыслей в безмерность отношения «Человек – Мир», в область трансцендентную «всего того важнейшего, что человек может выявить в мире и в другом человеке, выходя мыслью за его пределы» (правда, мне кажется, здесь нужно снять слово «мыслью», так как выход осуществляется не только мыслью, но всем существом). А это «важнейшее» есть противостоящее вещному «духовное измерение» мира. И именно оно становится критерием оценки собственной жизни индивида, его отношений и поступков. Тогда и происходит личностное развитие в собственном смысле слова.

Переживание актуальной бесконечности

Переживание актуальной бесконечности отражается в особой эмоциональной приподнятости речи. И потому язык С. Л. Рубинштейна, когда он говорил об этом, для меня есть еще одно свидетельство, что он действительно вышел в безмерность отношения «Человек – Мир», что всеобщность и непосредственная целостность этого отношения захватили его сознание и чувства, изменили его восприятие и видение Мира. И он сам прекрасно понимал, что это – Основание и Начало, рациональная разработка которого – последующий этап.

Отсюда настаивание на восприятии, чувственности, непосредственной трансцендетности как основе. С таким же пафосом говорил об этом Л. Фейербах, да практически и все мыслители, которым довелось это испытать (при всем индивидуальном разнообразии форм этого восприятия: от интеллектуальной интуиции Б. Спинозы до мистического видения М. Экхарта и Я. Бёме. Сюда же можно отнести переживания «космического сознания», феномены современной ЛСД-терапии, трансцендентальной медитации и т. д.).

Судьба и творчество С.Л. Рубинштейна

Ирония судьбы С. Л. Рубинштейна такова, что приходится защищать его образ, личностный смысл его судьбы и значение его творчества от его собственных учеников, с которыми меня связывают товарищеские отношения и благодарность за подготовку и публикацию рукописи «Человек и мир».

Ученики С.Л. Рубинштейна представляют его не «нового», а «старого»

Дело в том, что, полемизируя от имени «школы Рубинштейна» со «школой Выготского и Леонтьева», они представляют Рубинштейна не «нового», а «старого» – Рубинштейна до написания «Человека и мира», до «границы» его творческой судьбы, представляют его позицию, от которой он в «Человеке и мире» столь решительно и *бесповоротно* отказался. Что касается самой работы «Человек и мир», то с помощью соответствующей селекции и экзегезы они пытаются представить ее как простое продолжение его прежней позиции, что облегчается противоречивостью самой работы.

Мы застаем С. Л. Рубинштейна в момент in statu nascendi

Обращая внимание на противоречивость работы С. Л. Рубинштейна, в своей статье (1987) я объяснял ее тем, что мы застаем Сергея Леонидовича в момент перехода (in statu nascendi), когда новое основание обретено, но все следствия из него еще не осознаны и потому еще смешаны в тексте со следствиями основания старого. Поэтому в работе присутствует множество исключающих друг друга утверждений (часть из которых была в указанной статье приведена), что, на мой взгляд, составляет особую ценность и интерес работы, так как можно непосредственно сравнивать продуктивные возможности старого и нового оснований.

Употребляю здесь слово *бесповоротно,* потому что от нового *бесконечного* основания невозможно вернуться к *конечному* старому, как для бабочки, начавшей покидать куколку, вернуться в нее и вновь окуклиться. Начавшаяся метаморфоза необратима. Поэтому С. Л. Рубинштейн (вопреки утверждениям некоторых психологов, что он неявно критикует себя) не критикует себя «старого», а просто «снимает» прежнюю «фазу»

как *целое*. Работа «Человек и мир» еще сохраняет в себе остатки старого, как бабочка, появляясь из куколки, иногда сохраняет некоторое время на конце брюшка засохшую голову гусеницы.

Отказ С.Л. Рубинштейна от деятельностного подхода

Ученики Рубинштейна не желали замечать эту противоречивость, предпочитая наводить макияж на голову гусеницы, чтобы доказать, что С. Л. Рубинштейн до конца жизни не изменился, «причесывая» его под материалиста, а иногда и под марксиста-ленинца в стиле советских учебников. Не буду приводить для доказательства этого утверждения многочисленные цитаты, тем более что за 24 года их накопилось на целую книгу. Для примера укажу лишь на некоторые. Так, по-прежнему Рубинштейну приписывается «принцип детерминизма», согласно которому в человеке внешние причины действуют через внутренние условия. «Макияж» в данном случае состоит в том, что, оказывается, «условия» (!) составляют «основание развития» [17, с. 26]. А в том, что в «Человеке и мире» С. Л. Рубинштейн утверждал обратное отношение, не говорится. Или, например: «Рубинштейн с 1917–1922 гг. и до конца жизни разрабатывал субъектно-деятельностный подход...» [17, с. 26]. Это – в многолетней полемике, кто первый изобрел пресловутый «деятельностный подход» – Л. С. Выготский или С. Л. Рубинштейн. В действительности, его «изобрела» новоевропейская цивилизация, так как в рамках господства субъект-объектного отношения другой подход к Миру и Человеку «не предусмотрен». Поэтому также бессмысленно спорить, кто автор деятельностного подхода – С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский или А. Н. Леонтьев, ибо несомненно первенство С. Л. Рубинштейна в том, что он первым от этого подхода отказался.

Ученики С.Л. Рубинштейна занялись чистой тавтологией

Ученики С. Л. Рубинштейна, превращая «деятельностный подход» в «субъектно-деятельностный» и полагая это достижением «школы Рубинштейна», во-первых, занимаются чистой тавтологией, поскольку деятельность в рамках субъект-объектного отношения уже предполагает своего субъекта, «бессубъектной» деятельности в этих рамках не существует; во-вторых, не выходят из области вещного отчуждения, где разговор о личности просто невозможен. Между тем А. В. Брушлинский писал: «Таким образом, субъектный (в частности, субъектно-деятельностный) подход направляет исследование на изучение целостности человека» [17, с. 100]. На самом деле, «субъектный подход» может направлять на изучение лишь

частичного, «привязанного» конечно-определенным отношением к объекту индивида, то есть именно на субъекта, но ни в коем случае не на Человека как бесконечно-конечного, как личность.

4.2. О возможности развития личности в современной России

Россия – страна, чуждая как Востоку, так и Западу

Россия остается единственной страной, в определенном – и достаточно существенном – смысле «чуждой» как Востоку, так и Западу. Не относится она и к «третьему миру». Она не приняла, несмотря на татаро-монгольские нашествия, восточных форм жизни, хотя они наложили на нее печать «азиатчины». Не принимает она, в общем, и формы, являющиеся основой новоевропейской жизни, несмотря на многочисленные в ее истории попытки внедрения их в русскую жизнь [18].

Последняя из них (если исключить нынешнюю «перестройку») была в феврале 1917-го. Она также оказалась неудачной, так как почти немедленно за нею последовал Октябрь, обернувшийся невиданным террором, который поставил страну в антагонистическое отношение к Западу и на новой основе фактически возродил крепостное право.

Противодействие западных форм жизни духовному развитию личности

Русская литература и русская философия достаточно убедительно показали противодействие современных западных форм жизни внутреннему духовному развитию личности, ведущее постепенно к ее деградации. (Я не останавливаюсь в данном случае на самокритике Запада, также широко представленной от Ж.-Ж. Руссо до О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби. Мне кажется, что русские мыслители, благодаря тому что, осваивая западную культуру, внутренне не самоотождествлялись с ней, оставаясь в позиции вненаходимости, сумели в критике западных форм жизни проникнуть более глубоко. Этому способствовало и понимание ими религиозных основ жизни, где также большинство из них выходило за пределы официальной церковной религиозности.)

Материал, касающийся отношения русских мыслителей к христианскому Западу, столь, однако, велик, что даже простое перечисление работ потребовало бы места, превышающего объем настоящего очерка. Остановлюсь поэтому кратко лишь на том, как выглядит западная демократия (ныне – образец для многих наших реформаторов) с точки зрения изложенного выше представления об органических системах.

Харизматическое лидерство

Включая рассмотренную выше «вертикаль» Актуальной Бесконечности – АБ (духовное измерение Мира),

органическая система всегда имеет иерархическую структуру, которая «растет» своей вершиной, определяющей подъем всех нижележащих «этажей». Именно поэтому элитарна культура. Поэтому же нормальным, органическим следует считать в обществе лидерство харизматическое (от «харизма» – благодать), то есть такое, которое получает (благодаря своей причастности к «вертикали») право и мудрость руководить «свыше» и перед этим «свыше» чувствует и несет ответственность за свои действия. Авторитет харизматического лидера не определяется его социальным положением. Наоборот, его социальная значимость определяется его духовным авторитетом, верой населения в его особую, дарованную свыше миссию, объединяющую народ в единое органическое целое.

Рождение псевдоорганических систем

Однако в истории можно проследить, как общества, первоначально харизматически объединенные в органическое целое, постепенно теряли эту органичность, вырождались. В ходе этого процесса социальные структуры из средства, обслуживающего харизматическое лидерство, постепенно превращались в самодовлеющие механизмы, становились самоцелью. Общественное устройство, сохраняя внешнюю видимость органической иерархии, на самом деле превращалось в пустую оболочку, уже не несущую в себе духовное содержание и связь с областью АБ.

В результате стали возникать и такие, как правило предельно секуляризованные, социальные системы, где связь общественного устройства с духовной «вертикалью» (и харизматическим лидерством) с самого начала, в сущности, устранялась. Она, эта связь, начинала выноситься во внесоциальную сферу и называться тогда «свободой совести». Это – *псевдоорганические* системы, где «*вертикаль*» не связана с Актуальной Бесконечностью, а построена *из элементов «горизонтали»* Потенциальной Бесконечности (ПБ).

Система западной демократии

Псевдоорганическая система не может расти в духовной области, она отчуждена от АБ и лишь экспансивно распластывается по «горизонтали».

Это и есть система *западной демократии,* где «псевдовертикаль» конструируется с помощью механизма всеобщей избирательной системы, из «горизонтали» – из «людей массы» (употребляю этот термин в смысле, приданном ему Х. Ортега-и-Гассетом, – смысле, на мой взгляд, очень емком и глубоком). Эта «псевдовертикаль» может в какой-то степени обеспечить формально-юридическое равенство, но не духовную иерархию. Выс-

шей ценностью, обеспечивающей власть, становятся деньги – концентрированная форма вещности. Они-то и определяют положение индивидов на «псевдовертикали». Демократия приводит к господству бездуховной посредственности во всех сферах жизни, к снижению уровня духовного творчества, культуры, отмиранию целого глубокого пласта душевно-духовной жизни личности, так как «распластывание» по горизонтали – это всегда господство вещности над личностью.

Восток, Запад и Россия

Возвращаясь к общей ситуации современности, можно сказать, что перед нами специализировавшийся в своей застойности Восток, подрываемый экспансией Запада, и Запад, специализировавшийся в ускоренной неорганической вещной деятельности, съедающей весь Мир и себя. На Востоке личность не развилась, в христианской культуре Запада она, не успев пройти далеко по пути своего развития, вырождается под влиянием господствующего технологически-вещного отношения к Миру.

И странная, не поддающаяся рациональному анализу, аморфная и одновременно амбивалентная Россия, то пугающая мир тупой жестокостью, то удивляющая его необыкновенными взлетами культурного творчества, по своему содержанию выходящего далеко за национальные пределы, приобретающего глобальный масштаб и смысл.

Попытки определенных социальных преобразований наталкивались на внутреннее, большей частью рационально не объяснимое сопротивление души, находящейся как бы в ожидании чего-то, ей самой неизвестного и неопределенного.

Загадочная русская душа и историческая роль России

О загадочной русской душе и особой в связи с этим исторической роли России написано немало. Сама для себя эта душа оставалась загадкой. В ней находили противоположные, максимально располюсованные свойства, остававшиеся в этой располюсованности почти неизменными на протяжении веков: рабское сознание и любовь к свободе, жестокость и милосердие, подлость и честность, эгоизм и готовность к самопожертвованию, тупость и глубокая метафизическая настроенность ума, святость и демонизм, лень и способность к интенсивной творческой работе (различные сравнительные исследования творческого потенциала показывали, что выше других он оказывался у русских) и т.д. И, пожалуй, именно этот *максимализм* русской души, ее *располюсованность* и являются самой сутью дела и свидетельством потаенных, большей частью нераскрытых глубин

– той самой безмерности, которая не может быть до конца выражена рационально и даже вербально (остается «несказанной»). Она же является и «бедой», так как почти исключает положительную конечную определенность, например способность к устойчивой социальной обустроенности.

Россия и постнеолитическое будущее

Все эти странности русской нации становятся понятными, если принять гипотезу о ее недовоплощенности из области метаистории в план наличного эмпирического бытия, тем самым предназначенности к «постнеолитическому» будущему. Она не специализирована ни по западному, ни по восточному образцу и сохраняет состояние своеобразного «квазихаоса», несущего в себе возможность свободы и универсальности, а тем самым и личностного развития.

Если пытаться делать прогнозы об общественной форме выхода из современного глобального кризиса (и если, как я надеюсь, он еще возможен), то я склонен без всякой иронии сказать: «Коммунизм – светлое будущее человечества» и единственный, на мой взгляд, радикальный путь преодоления этого кризиса. Я имею в виду не различного рода социальные прожекты и конструкции, в течение последних столетий предлагавшиеся и критиковавшиеся под названием коммунистических, как формы будущего общества, а наиболее глубокие идеи, к которым конвергируют первохристианство, коммунизм, анархизм, общинность, хомяковская соборность, бердяевская коммюнотарность и «народная монархия» И. Л. Солоневича. Все они предполагают устранение отчуждения Человека от себя самого и Мира, а следовательно, устранение капитализма, частной собственности и рыночной экономики как основы общественной жизни, то есть устранение господства вещности – наиболее глубокой тотальной формы отчуждения человека, когда он перестает быть самим собой.

Коммунизм не может быть построен. Он не строится. Он должен органически незавершимо (как и личность) расти, и корни этого роста в нравственном личностном самосознании, а отнюдь не в производстве материальных благ, рыночной экономике и соответствующей «демократии», неизбежно ведущих к вещному вырождению Человека, его деградации как личности.

Радикальное преображение самосознания

По-видимому, именно с радикального преображения самосознания должна начаться постнеолитическая фаза антропогенеза, чтобы стать фазой органического саморазвития самого Человека (напоминая этим начало Палеолита) вместо развития его неорганического тела –

машинной цивилизации. Без этого современный глобальный кризис непреодолим.

Большевизм был подменой, люди тоже были жертвой подмены

Большевизм, рядившийся в тогу коммунизма, также, конечно, был подменой. Ныне людей, носящих портреты Ленина и Сталина и большевистские лозунги, обвиняют в желании вернуть ленинские и сталинские репрессии. В действительности эти люди также жертвы подмены. Так они выражают глубокую подсознательную потребность в харизматическом лидере как центре, обеспечивающем внутреннее чувство духовного родства и целостности, своего рода «соборность». Одновременно это подсознательный протест против «сборности» западной демократии. И это одна из основных характеристик русской нации. Эти люди правы, выступая против наших «демократов», стремящихся «интегрировать Россию в семью цивилизованных народов», а для мира в целом уничтожение единственной еще оставшейся на Земле нации, сохраняющей потенции к возможному духовному возрождению Человека.

Недовоплощенность русского народа может помочь ему сопротивляться западной цивилизации

Впрочем, мне кажется, что здесь именно недовоплощенность русского народа может помочь ему (глубоко под- или сверхсознательно) сопротивляться внедрению в Россию западной цивилизации. Вещному отчуждению, имеющему основание во «*внешней* целесообразности», не так просто добраться до *внутренней* недовоплощенной вовне духовной основы Человека как Личности.

Поэтому возможно, что Запад ранее истребит духовную сущность Человека в себе, чем ему удастся это сделать в России, несмотря на помощь русских «властей предержащих».

---

1. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М., 1993.

2. *Блохинцев Д.И.* Очерки по материалистической философии (рукопись).

3. *Арсеньев А.С.* Наука и человек (философский аспект) // Сб. статей: Наука и нравственность. – М., 1971. С. 114–158.

4. *A. Arsenyev.* The relationship between science and morality // Science and Morality. – Progress publishers. – M., 1975. – P. 130–187.

5. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976.

6. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

7. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Вопросы философии. – 1969. – № 8. – С. 136–149.

8. *Арсеньев А.С.* Размышление о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 130–160.

9. *Арсеньев А.С.* Десять лет спустя. О творческой судьбе С. Л. Рубинштейна // Вопросы философии. – 1998 – № 11. – С. 43–68.

10. *Арсеньев А.С.* О замечаниях К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского в связи с моей статьей «Десять лет спустя. О творческой судьбе С. Л. Рубинштейна» // Развитие личности. – 1999. – № 4. – С. 21–32.

11. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.

12. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976. – С. 253–381.

13. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. – М., 1957.

14. *Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М.* Анализ развивающегося понятия. – М., 1967.

15. *Блохинцев Д.И.* Свет из Калуги (рукопись).

16. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. – М., 1971.

17. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. – М., 1994.

18. *Арсеньев А.С.* Глобальный кризис современности и Россия. // Континент – 1992. – № 3 (73). – С. 132–161.